

Анатолий Беляков   Олег Матвейчев

РОССИЯ И КИТАЙ

ДВЕ ТВЕРДЫНИ

ПРОШЛОЕ • НАСТОЯЩЕЕ • ПЕРСПЕКТИВЫ

Олег Матвейчев

**Россия и Китай. Две
твердыни. Прошлое,
настоящее, перспективы.**

«Книжный мир»

2017

Матвейчев О. А.

Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы. / О. А. Матвейчев — «Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-8041-0840-4

Новая книга известных российских политиков и публицистов Анатолия Беякова и Олега Матвейчева посвящена актуальной теме геополитического партнерства двух евразийских гигантов, России и Китая. Насколько новый виток дружбы двух наших стран обусловлен с одной стороны исторически, а с другой – современной политической и экономической конъюнктурой – будем говорить прямо – противостоянием РФ и КНР с США и Западом в целом? Не удушит ли огромный Китай в своих любвеобильных объятиях доверчивую Россию? И не кончится ли дружба а ля «русский с китайцем – братья навек» новым витком противостояния на Амуре, а то и, не дай Бог, – на Урале? Авторы, не понаслышке знакомые с культурой, историей и современностью нашего огромного восточного соседа, постарались развеять множество бытующих в российском общественном сознании мифов о Китае, совершили увлекательнейший экскурс в историю наших взаимоотношений, осветили настоящую ситуацию и сделали свой вывод. Какой? Прочтите сами, тем более, что чтение этой книги и полезно, и приятно. С ней не стыдно ознакомиться самому и подарить другу.

ISBN 978-5-8041-0840-4

© Матвейчев О. А., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	40
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Олег Матвейчев, Анатолий Беляков Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы

Рецензенты:

Кондрашин Виктор Викторович, д. ист. н.

Перцев Александр Владимирович, д. филос. наук

© А.В. Беляков, 2017

© О.А. Матвейчев, 2017

© Книжный мир, 2017

Предисловие

18 марта 2014 г. произошло великое событие: по итогам волеизъявления жителей Крыма республика была принята в состав России. «Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань!» – взволнованные слова российского президента открыли новую эпоху в современной российской истории.

Через девять дней, 27 марта, на Генеральной ассамблее ООН по инициативе США состоялось голосование за осуждение России и в поддержку территориальной целостности Украины. Вопреки ожиданиям, за проект резолюции высказалась лишь половина стран-членов ООН – при всем давлении, которое оказывали на них Соединенные Штаты. Отказался осудить Россию и представитель КНР.

В бессильной злобе западные страны ввели против нашей страны целый ряд экономических и политических санкций, надеясь принести ей хоть какой-нибудь вред. В прессе началась кампания по очернению России и ее руководства. Китай же тем временем усиленными темпами развивал с Россией сотрудничество. Только на майском саммите 2014 г. в Шанхае стороны подписали 47 соглашений, в т. ч. крупнейший в истории газовый контракт сроком на 30 лет и сумму 400 млрд долларов!

Тогда наши клеветники завели новую песню: Россия, коль скоро ей отказано в цивилизованном обществе, лишь от безысходности ринулась в объятия к азиатам. И укрепление стратегического союза с Китаем – мера вынужденная, а союз этот – неравноправный, по причине превосходящей экономической мощи Китая, и временный – в силу коренного различия наших национальных интересов и «исторических обид», о которых у китайцев, якобы, еще свежа память.

В пропагандистской кампании против России задействован весь арсенал ксенофобских предрассудков и вредных полунаучных мифов. Разоблачить их – наша задача.

Мы, авторы книги, бывали в разных городах Китая – и достаточно давно, и совсем недавно, видели жизнь его народа изнутри, знаем настроения в китайском обществе не по журнальным статьям и можем свидетельствовать об исключительной доброжелательности китайцев к России.

Да и сама многовековая история наших взаимоотношений доказывает, что союз между нашими странами – не сиюминутный, не тактический, но основанный на богатых традициях. Именно об этом – наша книга.

Глава 1

Гигант за великой стеной

«В Китае все жители китайцы, и сам император – китаец».

В этой шуточной фразе великий сказочник Андерсен, сам того не предполагая, выразил общее отношение европейцев к Китаю. Об этой стране даже самые тривиальные истины надо проговаривать особо. Потому что это – Китай, страна, настолько отличающаяся от всех прочих, что в ней решительно все может обстоять не как у людей.

Отношение европейцев к Китаю – причудливая смесь из изумления, страха и высокомерия. Это со всей очевидностью демонстрируют голливудские фильмы, где китаец – это обязательно хитрый, склонный к предательству узкоглазый человечек с тарелкой лапши в руках и со склянкой яда в кармане. Он живет если не в Китае, то уж точно не среди людей – в городской резервации чайна-таун, в живописных трущобах среди бесчисленных бумажных фонариков. Он непременно член Триады, либо же платит ей дань.

Подобное отношение к великой китайской нации обнаруживается не только на уровне потребителя киножвачки, оно бытует даже среди серьезных ученых. Долгое время Китаю отказывалось даже в праве изучаться наравне с «настоящими» цивилизациями.

По словам академика Василия Струве, западные историки «замыкались в кругу средиземноморских стран, оказавших непосредственное влияние на культуру европейских народов» (т. е. Египта, Вавилонии, Персии); история же Индии и Китая «не включалась в историю других народов древности»¹. Один из крупнейших французских востоковедов Гастон Масперо закрепил это разграничение и в терминологии, отделив от стран дальней Азии так называемый «Классический Восток», историю которого он рассматривал не иначе как введение к истории европейских народов. Характерно, что в фундаментальном труде Масперо «Древняя история народов Востока» не нашлось ни строчки для Китая, равно, впрочем, как и для Индии².

Западным ученым Китай представлялся своего рода «вещью в себе», недоступной для понимания европейца и обретающейся в стороне от столбовой дороги развития цивилизации. Предельно четко эту точку зрения выразил Гегель, утверждавший, что «Китай и Индия находятся еще, так сказать, за пределами всемирной истории, как предпосылка тех моментов, лишь благодаря соединению которых начинается животворный исторический процесс»³.

Западным ученым Китай представлялся своего рода «вещью в себе», недоступной для понимания европейца и обретающейся в стороне от столбовой дороги развития цивилизации.

И даже признаваемый европейцами приоритет Китая в важнейших изобретениях не являлся, по их мнению, аргументом в пользу цивилизованности и высокоразвитости Поднебесной. «Китай задолго до нас знал книгопечатание, артиллерию, воздухоплавание, хлороформ, – писал Виктор Гюго. – Но в то время как в Европе открытие сразу оживает, развивается и творит настоящие чудеса, в Китае оно остается в зачаточном состоянии и сохраняется в мертвом виде. Китай – это банка с заспиртованным в ней зародышем»⁴.

---

¹ Струве В.В. История древнего Востока. [М.]: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. С. 13.

² Масперо [Г.] Древняя история народов Востока. М.: Изд. К.П. Солдатенкова, 1903.

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 157.

⁴ Гюго В. Человек, который смеется // Гюго В. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 37.

Столь обидная для великой китайской культуры дискриминация коренится в пресловутом европоцентризме, согласно которому все народы, цивилизации, религии, великие изобретения появлялись на свет лишь тогда, когда попадали в поле зрения европейца. Европоцентризм – это своего рода исторический солипсизм; и если жители западной окраины гигантского евроазиатского континента не знали о Китае до времен падения Римской республики, то его просто и не существовало.

Поднебесной империи и впрямь не повезло: несмотря на свою древнюю и высокоразвитую культуру, она чрезвычайно долго была изолирована от цивилизаций Запада. Жители Древнего Египта, Вавилонии, Индии рано научились преодолевать естественные преграды, отделявшие их от других народов, и вступать с теми в экономические и культурные связи. Уже в III в. до н. э. египтяне совершали морские экспедиции в Пунт (нынешняя Сомали) и торговали с Сирией. Индийцы во II тыс. до н. э. имели контакты с Месопотамией, а в VI в. до н. э. «открыли» для себя Древнюю Грецию. Сами греки приблизительно в XII в. до н. э. достигли берегов Колхиды, отстоявших от Эллады за три моря, а в VII–VI в. до н. э. добрались и до Западной Сибири⁵.

Китай занимал положение куда менее благоприятное, будучи отделен от западных соседей огромной пустыней, почти непреодолимыми горами и «буферной зоной» из воинственных кочевых племен. Препятствием для налаживания контактов с другими странами являлся для Китая и Тихий океан – почти до 100 г. до н. э. китайцы не совершали по нему дальних походов, ограничиваясь каботажным судоходством. Кроме того, такие походы вряд ли могли познакомить жителей Поднебесной с культурами, хоть сколько-нибудь сопоставимыми по уровню с китайской – Япония же стала известна китайцам лишь в середине I в. н. э.⁶

Географические факторы, а также отсутствие вокруг Китая других очагов цивилизации предопределили формирование в китайской культуре такого феномена, как «синоцентризм». Представление о центральном положении в мире жизненного пространства китайского народа и верховенстве над соседними территориями сложилось еще в древнейшую эпоху Шан-Инь (ок. 1523 – ок. 1028 гг. до н. э.) Верховенство это обеспечивает верховный правитель древних китайцев. «Именно модель правителя, представление об его мироустроительных функциях легли в основу китаецентристской концепции мира задолго до появления этнической отчужденности, членения по схеме "мы – они"»⁷.

Географические факторы, а также отсутствие вокруг Китая других очагов цивилизации предопределили формирование в китайской культуре представления о центральном положении в мире жизненного пространства китайского народа и его верховенстве над соседними территориями.

К эпохе Чуньцю-Чжаньго (VII–III вв. до н. э.) относится появление самоназвания *Чжунго* (##, «Срединное государство»). Сам иероглиф # (*чжун*), происходящий от изображения стрелы, попавшей в цель, то есть в центр, и обозначающий средоточие силы, спокойствие, предельно наглядно выражает срединное положение Поднебесной. За пределом центра все находится в движении, чем дальше от центра, тем больше разброда и сумятицы. Центр – покоен. Как и полагается «пупу Земли». Иероглиф # (*го*), обозначающий государство, пишется как «князь, окруживший себя стеной», надо понимать, что, в том числе, от чужаков и варваров.

---

⁵ Первым из греков Уральских гор достиг, по преданию, Аристей из Проконнеса, описавший свои путешествия в поэме «Аримаспея» (см. напр. Hdt. IV, 13–16).

⁶ Появление первых японцев в Китае Государственные летописи Восточной Ханьской династии («Хоуханьшу») относят к 57 г. н. э.

⁷ Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 134.

##

Самоназвание Китая «Чжунго» («Срединное государство») состоит из двух иероглифов. Иероглиф «чжун» («середина», «центр»), изображает стрелу, попавшую в цель. Иероглиф «го» («государство») – «князя, окружившего себя стеной».

Отныне китайская ойкумена делится по схеме «мы – они» (*хуа ся*⁸, живущие в центре Поднебесной – и «варвары», обитающие на ее окраинах). По ориентации по четырем сторонам света «варвары» получили названия *и*, *мань*, *жун*, *ди и*. Характерно, что одним из главных признаков варваров считалось отсутствие в их рационе хлебных злаков. Таким образом земледельцы Поднебесной противопоставляют себя кочевникам и охотникам, которым отказывается во всякой цивилизованности. Английский ученый Джон Кинг Фэйербэнк заметил, что представления китайцев о мире в целом сформировались в эпоху, когда сопредельные с Китаем народы находились на качественно более низком уровне, чем китайцы. Поэтому последние воспринимали свою культуру не как китайскую, а как **единственную**⁹.

С тех пор всякий образованный *хуа ся* прекрасно знал, что Земля есть правильный квадрат, подвешенный за четыре конца и словно куполом накрытый всемогущим Небом. В самом центре земного квадрата покоится Китай – *Чжунго*, Срединное государство. Другое его название – *Тянься*, Поднебесная. В ее центре находится «сакральный алтарь» императорского дворца, связывающий «круглое небо» с «квадратной землей». Отсюда правит миром наместник Неба на Земле – Великий Император, Сын Неба, *Тяньцзы*, Сидящий лицом на юг¹⁰. Его власть – единственная универсальная основа, связывающая мир воедино, а его трон – средоточие силы, цивилизованности и тех законов, по которым существует вселенная. Эти законы действуют с убывающим эффектом от центра к периферии. Соответственно, самые дальние от центра народы являлись и наименее цивилизованными, лишенными благодати участия в их судьбах Сына Неба.

Синоцентристская доктрина получила свое отражение в доктрине Конфуция (551–479 гг. до н. э.), ядром которой было учение о *ли* («правила») и *жэнь* («человеколюбие»). В нем учитель Кун стремился совместить государственность и человечность, предлагая распространить принцип отношений в большой семье на все общество и осуществить это с помощью традиционного для Китая ритуализированного этикета – правил *ли* («благопристойность», «этикет», «ритуал»). Этот этикет становился не только семейной, но и государственной нормой. Однако распространялся он лишь на собственно китайцев, *хуа ся*; «варвары» же пусть живут по каким угодно понятиям.

Конфуций жестко противопоставляет китайцев и «варваров», что отражено, в частности, в книге *Лунь юй*. «Учитель сказал: "Если даже у <варваров> *и* и *ди* есть свои правители, им никогда не сравниться со всеми *ся*, лишенными правителей"» (*Лунь юй*, III, 5)¹¹, – сообщается в III книге канона. Здесь Конфуций сравнивает три этноса: варваров *и*, живущих на востоке, варваров *ди*, живущих на севере, и всех *ся*, т. е. *хуа ся*, китайцев, поучая, что последние – люди иного, более организованного и высокоморального уровня, и их общество

---

⁸ Самоназвание китайцев.

⁹ The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations / Ed. by J. K. Fairbank. Cambridge. 1968.

¹⁰ Южное, «царственное» направление имеет в китайской картине мира преимущественное значение. Троны вассалов обращены к другим сторонам света: например, корейского и японского владык – на запад, вьетнамского – на север.

¹¹ 11 *Лунь юй* // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. С. 164.

даже без властного управления, само по себе будет функционировать гораздо лучше, гармоничнее, нежели общество варваров, управляемых государем.

Отношение Конфуция ко всему иноземному характеризует отрывок из XIV главы Лунь юй: «Юань Жан в ожидании Учителя сидел, как варвар. Учитель сказал: «В детстве ты не почитал старших, повзрослев, не сотворил ничего полезного, состарился, а все не унимаешься, ведешь себя, как разбойник». И ударил его палкой по ноге»¹².

---

¹² Лунь юй. С. 215.

Представление о мессианской роли Китая, его духовной обязанности просвещения своих соседей сформировалось еще в учении Конфуция

Юань Жан был весьма пожилым человеком, не лишенным эксцентричности в своих поступках. Однажды, узнав о смерти матери Юаня, Конфуций пришел выразить ему свое соболезнование и обнаружил старика сидящим на гробе своей матери и распеваящим песни. Кун сделал вид, что ничего не видел и молча удалился.

Что получается? Веселясь над прахом своей матери, Юань нарушал святая святых конфуцианской морали – почитание родителей, и Конфуций оставил его поступок безнаказанным. И совсем другая реакция со стороны учителя последовала, когда он увидел знакомого в варварской позе. Конфуций показал, что уподобление *и* — куда более страшное преступление.

По словам Леонарда Переломова, «это был один из памятных уроков восприятия чувства этнической обособленности *хуа ся*, возвышения их над своими этически неполноценными соседями¹³».

Сознание нравственного, культурного превосходства *хуа ся* над своими соседями являлось моральным оправданием, а также обоснованием идеи обособленности китайцев, их права на духовное превосходство над всей окружавшей их ойкуменой. Логическим следствием этой идеи явилась доктрина о мессианской роли Китая, его духовной обязанности просвещения своих соседей. При этом теоретики конфуцианства не допускали и мысли о возможности обратного процесса, процесса взаимообогащения разных культур.

В III веке до н. э. с расширением внешних контактов «срединных царств» их правители и бюрократия начинали понимать, что соседи обладают некоторыми достижениями, особенно в военном деле, которые были бы бесполезны и им самим. Жизнь поставила перед ними проблему заимствования у северных кочевников искусства массового ведения конного боя, «варварского» оружия, а также одежды – штанов и укороченного халата, которые до этого китайцы никогда не носили. Именно по этому поводу начались серьезные разногласия между представителями двух основных этико-политических школ – конфуцианства и легизма. Если для последователей учителя Куна главным было слепое следование древности с ее чисто внешними атрибутами (вспомним, как Конфуций боялся заимствования «варварской» одежды и манеры сидеть), то у легистов во главе угла всегда стояла выгода. В отличие от конфуцианцев, настаивавших на жесткой позиции по отношению к «варварам», легисты были сторонниками более гибкого и рационального толкования действующей и признаваемой ими политической схемы «мы – они». Они привносили в ее толкование элементы прагматизма, исходя из нужд страны; принцип «выгодности, полезности» должен был играть активную роль во внешней политике «срединных царств», особенно в общении с «варварами».

Легистской идеей активного заимствования заграничных достижений при сохранении китайской самобытности жители Поднебесной руководствовались и в общении с европейцами, которых они «открыли» для себя по историческим меркам довольно поздно.

Древнейшие сведения о непосредственных контактах Китая с европейцами приводит историк Луций Анней Флор. По его сообщению, после победы римлян над Парфией в 39 г. до н. э. все народы на Земле признали Рим владыкой мира и послали ко двору Октавиана Августа своих послов с богатыми дарами. В числе прочих прибыли *серы*, прошедшие в дороге четыре года; уже цвет их кожи указывал на то, что они пришли из другого мира (Flor. II, 34, 62)¹⁴.

---

¹³ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм... С. 140.

¹⁴ Анней Флор. Две книги римских войн // Малые римские историки. М.: Ладомир, 1995. С. 189.

Великий шелковый путь, I в. н. э.

Серами римляне называли китайцев, а *серской тканью* — шелк, с которым римляне познакомились еще до первых контактов с жителями Поднебесной — через парфян, возивших ткань по Шелковому пути. Шелк ценился на Западе в несколько раз дороже золота, а о происхождении его европейцы имели довольно фантастические представления — они были уверены, что шелковые волокна вычесываются из коры или листьев особых деревьев (Verg. Georg. II, 121; Strab. XV, 1, 20).

Шелковый путь, связывающий Китай со странами Центральной Азии и Индией, а позднее — и с Ближним Востоком, Средиземноморьем, Кавказом, Северным Причерноморьем и Поволжьем, был проложен во II в. до н. э., что стало возможным благодаря разгрому гуннов императором Уди в 115 г. до н. э. (эти воинственные кочевые племена были одной из причин изоляции Китая, блокируя его с Севера и Запада).

Великий шелковый путь сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей народов на огромном пространстве от Тихого до Атлантического океанов и послужил проводником распространения технологий и инноваций. При этом почти все технологии распространялись из Китая на запад, а не в противоположном направлении.

Великий шелковый путь сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей народов на огромном пространстве от Тихого до Атлантического океанов и послужил проводником распространения технологий и инноваций. При этом почти все технологии распространялись из Китая на запад, а не в противоположном направлении.

В середине I в. до н. э. в связи с открытием Гиппалом использования муссонов для плавания через открытый океан была налажена морская связь Рима с Индией. От индийцев римляне впервые узнали о Китае — стране, лежащей по ту сторону Эритрейского моря, т. е. Индийского океана. Начавшие морские сношения с Китаем еще во времена династии Цинь (255–206 гг. до н. э.), индийцы называли китайцев *сына*, это название и переняли у них римляне. Интересно, что китайцы относили название «Чина», или «Махачина» («Дацинь»,

«Великая Чина»), к Римской империи, также основываясь на неверно понятых словах индийцев.

Во времена Птолемея европейцы считали Китай двумя разными государствами, которые они называли страной серов и страной синов.

Таким образом, для китайцев в Европе существовало два понятия – *сины* и *серы*. И они отнюдь не были синонимами. *Серы* населяли северную часть Китая, о которой греки и римляне узнали со стороны материка (т. е. по Великому шелковому пути). *Сины* проживали в южной части Китая, о которой греки и римляне узнали по морскому пути с юго-востока, со стороны Индии. Эта путаница, зафиксированная в трудах Клавдия Птолемея, сохранялась в европейских источниках в течение столетий, вплоть до эпохи Возрождения.

Согласно Государственным летописям Восточной Ханьской династии «Хоуханьшу», первыми римскими подданными, посетившими китайскую столицу, были некие музыканты и жонглеры, в 120 г. прибывшие в Лоян ко двору Сына Неба. «Они знали заклинания, умели изрыгать огонь, связывать свои члены и сами их освобождать, переставлять головы у коров и лошадей и танцевать с тысячами шаров»¹⁵, – восхищался безымянный придворный летописец.

«С полным на то основанием китайцы сделали вывод о том, что Запад населен клоунами и пожирателями огня, – не без иронии замечает французский писатель Бернар Вербер. – И прошло много сотен лет, прежде чем у них появилась возможность изменить свое мнение»¹⁶.

---

¹⁵ Хоуханьшу // Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 421.

¹⁶ Вербер Б. Энциклопедия относительного и абсолютного знания. М.: Гелиос; Рипол Классик, 2010. С. 125.

В 166 г., как сообщается в той же «Хоуханьшу», в Лоян прибыли люди, назвавшиеся посланниками императора Марка Аврелия. В качестве дани они принесли слоновые бивни, носорожьих рога и панцирь черепахи¹⁷. Подарки эти не показались китайцам особо ценными и вызвали подозрение, что «послы» нечисты на руку.

«С полным на то основанием китайцы сделали вывод о том, что Запад населен клоунами и пожирателями огня. И прошло много сотен лет, прежде чем у них появилась возможность изменить свое мнение».

Путешествия в Китай из Римской империи продолжались до III в.; затем господство над путями мировой торговли и на суше, и на море перешло к персам, позднее началась арабская мусульманская экспансия, и европейцы надолго утратили прямую связь со странами дальней Азии.

Тем не менее, влияние европейской культуры Поднебесная продолжала испытывать. К 635 г. относится первое дошедшее до наших времен известие о появлении в Китае восточно-христианских миссионеров. Историческим источником о прибытии ко двору императора Тай-цзуна монаха-несторианина Олопёна служит каменная стела, содержащая надпись из 1789 слов на китайском и сирийском языках. Нашел ее в 1623 или 1625 г. один крестьянин из Сианя, копая котлован для постройки дома.

О судьбе Олопёна – кто он, откуда пришел и зачем, что с ним стало дальше – стела не сообщает. Однако известно, что усилиями Тай-цзуна уже в 638 г. в Сиане был выстроен великолепный христианский храм, а к 650 г. подобные церкви стояли чуть ли не во всех городах. «Если бы император зашел так далеко, что сам принял крещение, то трудно даже представить себе, какие всемирно-исторические последствия повлекло бы за собой это событие! – пишет немецкий ученый Рихард Хенниг. – Именно в такой стране, как Китай, примеру Сына неба, вероятно, очень скоро последовало бы подавляющее большинство подданных. На особо недоступной для христианства территории Азии к этой религии, возможно, приобщилась бы самая большая держава»¹⁸.

Наивысшего расцвета христианство достигло в Китае к середине IX в., когда в Китае проживало уже более 260 тысяч христиан¹⁹. Однако в 845 г. император У-цзун объявил вне закона христианство (равно как буддизм и другие «чужеземные религии»). Христиане подверглись страшным гонением, а все их церкви были разрушены.

---

¹⁷ Хоуханьшу // Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 1. С. 434.

¹⁸ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 106.

¹⁹ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 2. С. 110.

Несторианская стела в Сиане – свидетельство попыток христианизации Китая еще в VII в.

Христианские миссии в Китай возобновились лишь в XIII в. – в связи с получившей широкой распространение легендой о славном царстве и деяниях «пресвитера Иоанна».

При императоре Тай-цзуне (626–649 гг.) китайская империя имела шансы стать самой крупной христианской державой в мире

Впервые царь-священник упоминается в 1145 г. в «Хронике» епископа Оттона Фрейзингенского, дяди будущего императора Фридриха Барбароссы. По его сообщению, пресвитер Иоанн, потомок волхвов, царствующий по-за краями армян и персов, в жесточайшей битве разгромил персидское войско и выступил было на помощь Иерусалимской церкви, однако не смог осуществить задуманного в силу погодных условий²⁰.

Известие о существовании за сарацинскими владениями могущественного христианского царства взволновало европейцев. Но настоящей сенсацией стало появление в 1165 г. подложного письма от имени пресвитера трем самым могущественным владыкам христианского мира – византийскому императору Мануилу I Комнину, папе Александру III и императору Священной Римской империи Фридриху I Барбароссе. Пожелав им здравствовать и уверив в своем благоволении, «пресвитер» называл себя властителем «трех Индий» и подробно описывал свои владения, не забыв упомянуть ни о золоте, добываемом из нор гигантских муравьев²¹, ни о кинокефалах, ни о многоруких людях с четырьмя головами. С наивным задором автор хвастался своим умопомрачительным богатством, мощью своего войска и процветанием государства, где никто не болеет, не голодает и никогда не сталкивается с несправедливостью²².

Цели мистификации так и остались непонятыми (среди возможных мотивов было стремление склонить адресатов к очередному Крестовому походу – мол, если что, есть, откуда ждать могучей подмоги), однако письмо произвело мощный эффект. И если Мануил и Барбаросса проигнорировали послание, очевидно, распознав «липу», то папа Александр III поступил иначе, отправив в 1177 г. со своим лейб-медиком Филиппом ответное письмо «блистательному и великолепному царю индийцев» Иоанну, в котором довольно недипломатично призывал того обратиться в единственно верную католическую веру, подойти под папскую руку и впредь поменьше «кичиться своим богатством и могуществом»²³. Отправ-

---

²⁰ Из хроники Оттона Фрейзингенского // Послания из вымышленного царства. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 59–60.

²¹ Сюжет о «муравьином золоте», чрезвычайно популярный в древней и средневековой литературе, впервые появляется у Геродота (IV 102–105). Этот сюжет имеет определенно индийское происхождение – о нем повествуется еще в «Махабхарате» (II 48 etc). Таким образом, в сообщении Геродота мы имеем свидетельство о проникновении в греческую культуру индийских преданий еще в V в. до н. э.

²² Послание пресвитера Иоанна // Послания из вымышленного царства. С. 17–46.

²³ Послание папы Александра III к «священнику Иоанну» // Хенниг Р. Неведомые земли. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 444–445.

ленный по ни кому не известному адресу, папский дипкурьер, равно как и его драгоценная ноша, пропали в неизвестности.

Образ собакоголовых людей – кинокефалов – кочевал по книгам путешествий не одно столетие, начиная с рассказа об Индии Ктесия Книдского (IV в до н. э.). А много позже «люди с псыими головами» увековечатся страницей Феклушей из пьесы Александра Островского «Гроза»

Миссии к престолу царя-несторианина на этом отнюдь не окончились. В XIII в. в Европе прослышали о среднеазиатских завоеваниях некоего могущественного вождя, ведущего за собой неисчислимое войско, и, разумеется, сразу разглядели в нем легендарного царя-священника, который мог бы стать союзником против мусульман.

Отправленные в Монголию европейские послы и миссионеры выяснили, что к легендарному царю Иоанну эти завоевания не имели никакого отношения. Однако их путешествия фактически заново открыли для европейцев уже было совершенно забытых *серое* и *синов*.

Отправленные в 1245 г. папой Иннокентием IV францисканские монахи во главе с Плано Карпини шли в столицу Монгольской империи Каракорум через русские земли, уже захваченные Ордой, посетив по дороге Сарай – ставку хана Батыя в низовьях Волги. В Каракоруме среди многочисленных послов, прибывших принести присягу на верность великому хану Гуюку, монахи встретили и китайцев, коих Карпини описал как людей «очень кротких и человечных» и как «лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди»²⁴.

Вслед за Карпини Каракорум посетил францисканский монах Андре Лонжюмо (1249), а за ним – францисканец же Гильом де Рубрук, посол французского короля Людовика IX «Святого» (1253). Рубрук добирался в монгольскую столицу через крымский порт Солдайя (Судак), узловой пункт в торговле Европы со странами, завоеванными монголами. В своём отчете среди прочих народов он отметил китайцев (*катаев*), которых он первым из европейцев отождествил с *серами* античных географов – «ибо от них прибывают самые лучшие шелковые ткани, называемые по-латыни по имени этого народа *serici*».

---

²⁴ Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С. 40–41.

Катай и катаяцы немало удивили европейского путешественника: «Я достоверно узнал, что в этой стране есть город с серебряными стенами и золотыми башнями. В этой земле есть много областей, большинство которых еще не повинуются Моалам, и между ними [Серами?] и Индией лежит море. Эти Катаи люди маленького роста, при разговоре они усиленно дышат ноздрями; у всех жителей Востока то общее, что они имеют небольшое отверстие для глаз. Катай отличные работники во всяком ремесле, и их медики очень хорошо знают действие трав и отлично рассуждают о пульсе, а мочегонных средств они не употребляют, да и вообще о моче ничего не знают. Я это заметил. ... Между ними, в качестве пришельцев, примешаны ... несториане и Саррацины»²⁵.

Пожалуй, наиболее известным путешественником средневековья был Марко Поло, негодант из Венеции, с 1275 по 1292 г. живший при дворе хана Хубилая в Ханбалыке (Пекин)²⁶. В коммерческий поход через весь континент Марко взяли его отец Николо и дядя Маттео, один раз уже проделавшие этот путь. По дороге купцы Поло посещают Иерусалим и Анатолию, наблюдают нефтяные фонтаны в Армении, пересекают Иран, Афганистан, Кашмир, покоряют Памир и через великую пустыню бредут в ставку Хубилая.

Великий хан принял братьев Поло с радушием, особенно поблагодарив их за доставленное ему письмо от римского папы и ценный подарок – масло из лампы у Гроба Господня, а юного Марко, обнаружившего чрезвычайную сметливость и склонность к языкам, вскоре сделал своим доверенным лицом, а вслед за тем и правителем города Янчжоу. За семнадцать лет Марко Поло объездил с поручениями и инспекциями значительную часть тогдашнего Китая, включая Тибет; его наблюдения и свидетельства, собранные в знаменитой «Книге», вдохновляли купцов и авантюристов более поздних времен на поиск новых путей в страны пряностей и роскоши²⁷.

Великий хан Хубилай принимает подарки от братьев Поло

²⁵ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодсти 1253 // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 132.

²⁶ Вся «одиссея» Марко Поло заняла 25 лет – с 1271 по 1295 г.

²⁷ С пером в руках читал эту книгу и Христофор Колумб (в середине XIX в. найден его личный экземпляр с многочисленными пометками на полях). Именно туда, в *Катай* и *Сипанго*, он и отправился в 1492 году.

Марко Поло с восторгом описывает невероятные для европейца вещи – бумажные деньги, изобилие шелка, населяющих *Kamai* драконов и саламандр – совершенно, впрочем, упуская из виду такие яркие приметы китайской цивилизации, как иероглифы, книгопечатание, чай, практика бинтования ног женщин и даже Великая китайская стена. Этот факт дал ряду историков основание сомневаться в реальности совершенного Марко Поло путешествия. Так, по мнению британского синоведа Френсис Вуд, «воспоминания» Марко Поло базируются не на его личном опыте, а на известных ему описаниях путешествий персидских купцов²⁸.

Другие исследователи, впрочем, уверены, что подобная «невнимательность» венецианца вполне объяснима. Будучи чиновником монгольской администрации, Марко Поло вряд ли жил в самой гуще китайской жизни и мог не знать всех ее тонкостей. Равно как и языка, необходимости учить который, осваивая сложные иероглифы, у него просто и не было. Чай к тому времени был давно известен в Персии и диковинкой для европейских купцов уже не являлся. Вместе с тем, Марко Поло демонстрирует удивительную осведомленность о жизни при дворе Хубилая, и явно не вычитанную из персидских книг. В главе LXXXV, например, приводится подробный разбор злодеяний вельможи Ахмаха и обстоятельств его убийства полководцем Ванху. Те же сведения – до деталей – приводятся в китайских летописях.

И именно от Марко Поло европейцы узнали об организации почтовой службе в империи Хубилая, сети почтовых станций, одновременно являющихся постоянными дворами. Система почтовых станций (ямов), на каждой из которых всегда стояли наготове до нескольких сотен лошадей, позволяла стремительно доставлять важные донесения на значительные расстояния (до 500 км в день). «Такого величия, такой роскоши не было ни у какого императора, ни у одного короля, да и ни у кого, – уверял венецианец. – На этих всех станциях, знайте по правде, более двухсот тысяч лошадей готовы для гонцов, а дворцов, скажу вам, более десяти тысяч»²⁹.

Восхищенный комфортом ямской системы, Поло не осознавал подлинного значения этого нововведения. Именно на эффективности транспортной и почтовой служб, связавших многочисленные территории в единый механизм, во многом основывалось величие стомиллионной империи Хубилая, простиравшейся от берегов Днепра до Желтого моря. По замечанию французского синоведа Жана-Пьера Дрежа, система почтовых станций в Китае не нова: «Ее зарождение восходит к первому императору Цинь и к централизации государства в конце III века до н. э. Но в правление монголов сеть значительно разрослась и распространилась на всю территорию их империи, то есть на значительную часть Азии»³⁰.

Настаивая на высочайшей эффективности системы управления, внедренной монголами на покоренных территориях, выдающийся русский востоковед академик Василий Бартольд решительно опроверг западнический миф о монголах как о дикой разрушительной толпе варваров. «Монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, – настаивал он. – Везде вы видите после монголов большую политическую устойчивость, чем до монголов.... Московского царства не могло появиться без монгольского ига. ... То же самое произошло в Китае, несмотря на его старые традиции. До монголов китайское государство часто распадалось на отдельные части, и даже в момент завоевания монголами было разделено на два государства. Но после монголов, вплоть до новейшего времени, Китай составлял одно целое. Вообще в странах от России до Китая мы

---

²⁸ Wood F. Did Marco Polo go to China? London, 1995.

²⁹ Книга Марко Поло. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1956. С. 121.

³⁰ Дреж Ж.-П. Марко Поло и Шелковый путь. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2006. С. 80.

видим больше политической устойчивости после монголов, чем до них, на что, конечно, оказала влияние их система управления»³¹.

Неслучаен вектор политической деятельности русских князей, направленный в те годы не на Европу, а на Орду как на более эффективное и развитое государство (русские князья и представители духовенства часто совершали путешествия ко двору великих ханов, годами жили в Орде). В самом деле, какую страну в XIX в. мы назовем развитой, у которой есть железные дороги, или у которой их нет? Какую страну мы назовем развитой в XX в., у которой есть интернет, или у которой его нет? Ответ очевиден. То же и с монгольской империей XIII–XIV вв., обладавшей эффективнейшей на тот момент технологией связи, которая со временем стала достоянием возрождающейся России.

Эффективнейшая технология связи, которой располагала монгольская империя XIII–XIV вв., со временем стала достоянием возрождающейся России.

А западные христианские миссии к монгольскому престолу продолжались до середины XIV в. Были они немногочисленны и целей своих (обращение варваров в христианство, склонение их к союзу против мусульман) не достигли. После изгнания монголов в 1368 г. и с утверждением династии Мин, весьма подозрительной ко всему чужеземному, подобные контакты и вовсе прекратились.

Настоящее открытие Китая, а затем и Японии и Кореи, произошло уже в XVI в. – в результате португальских военно-коммерческих экспедиций³², а затем – деятельности иезуитов, принятых при императорском дворе и даже вошедших в Математический трибунал, где они щедро делились с китайцами передовыми астрономическими знаниями. Иезуиты просвещали китайцев и в области военного дела, географии, гидравлики, переводили на китайский произведения европейских ученых и философов, в т. ч. Евклида и Аристотеля. Одновременно на европейские языки были переведены работы Кун Фу-цзы («Конфуция», как транскрибировал его имя Маттео Риччи), что произвело настоящий интеллектуальный переворот на Западе. В докладах Риччи, отсылаемых в Европу, Китай рисовался страной, управляемой философами, и в этом смысле он воспринимался многими западными мыслителями как идеальное государство, опыт которого должны взять на вооружение европейские власти.

Китай рисовался страной, управляемой философами, и в этом смысле он воспринимался многими западными мыслителями как идеальное государство, опыт которого должны взять на вооружение европейские правители.

«Китайское правительство показывало в течение более четырех тысяч лет и продолжает показывать людям сейчас, что можно управлять ими без того, чтобы их обманывать; что не ложью надо служить богу истины; что суеверие не только бесполезно, но и вредно для религии»³³, – писал восхищенный Вольтер, видевший в Китае поучительный для Европы пример «философской монархии». Постоянно подчеркивая древность китайской цивилизации, Вольтер недвусмысленно указывал, где именно находится колыбель человечества, и попутно опровергал ненавистные ему библейские легенды, в т. ч. о всемирном потопе. Почти

---

³¹ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 719–720.

³² Надо сказать, что португальцы не идентифицировали страну, называемую индийцами «Чина» с «Катаем» Марко Поло – государством великого хана со столицей Ханбалыком (Пекином), полагая, что последний находится где-то к северо-западу от территорий, достигнутых ими через Малаккский пролив.

³³ Вольтер. Несведущий философ // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 365.

тателями китайской государственности и энтузиастами конфуцианского учения были Бенедикт Спиноза, Пьер Бейль, Никола Мальбранш, Христиан Вольф, Мэтью Тиндаль и др.

Чтобы не выглядеть в Китае чужеземцем, Маттео Риччи поначалу ходил в одежнях буддийского монаха. Когда же выяснилось, что этот образ ассоциируется у китайцев не с образованностью, а с бродяжничеством, глава иезуитской миссии переоблачился в ученого-конфуцианца.

Живо интересовался деятельностью «Общества Иисуса» в Китае Лейбниц, переписывавшийся и лично общавшийся с Гримальди, Вержю, Бувэ и др. Через них немецкий философ, в частности, познакомился с трактатом «И-Цзин», неправильно истолковав который, он создал комбинаторику и двоичную логику, став, таким образом, предтечей компьютерной революции. Особые надежды Лейбниц возлагал на Петра I, государя великой державы, которой надлежит стать мостом в Китай для выполнения там торговых и просветительских миссий.

Пользовались европейцы и китайскими изобретениями, заимствованными, впрочем, опосредованно – через арабов, монголов и даже Россию. В то время, когда европейцы утратили всякие связи со странами дальней Азии, активное взаимодействие с ними вели арабы, которым были хорошо известны сухопутные и морские пути в Индию и в Китай. Арабы вели с китайцами успешные войны и развивали экономические связи, перенимая важнейшие изобретения, в т. ч. бумагу, компас, порох и пр. Именно через арабов они попали к европейцам.

Ряд других изобретений добрались до Европы иными путями. Например, технология книгопечатания наборным шрифтом шла через уйгуров из Синьцзяна на Кавказ, а оттуда в Малую Азию и в Александрию.

Компьютерная революция XX в. стала результатом неправильного толкования Лейбницем древнекитайского трактата «И-Цзин»

На участке Бадалин близ Пекина Великая китайская стена возводилась из прочных кирпичей, скрепленных раствором на яичном белке

В период, когда осуществлялась экспансия китайского интеллектуального продукта в халифат и далее в Европу (VIII–XIII вв.), Поднебесная представляла собой могущественную державу, не только обладающую самой крупной в мире экономикой, но и чрезвычайно развитую в культурном и техническом отношении. Помимо перечисленных технологий, Китай располагал эффективным сельским хозяйством, позволяющим собирать два-три и более урожаев в год, высокоразвитой механикой, высокоэффективной метеорологией. Примерно в 200 г. до н. э. в Китае были построены первые ветряные мельницы. Несколько раньше началось строительство Великой китайской стены – сооружения, и по сей день поражающего воображение. Ее длина с учетом ответвлений превышает 21 тысячу километров!³⁴

В стране строились грандиозные ирригационные и гидротехнические сооружения – чего стоит один лишь Великий канал Пекин-Ханчжоу длиной 1800 км – самая большая искусственная река в мире! Его строительство началось еще в VI в. до н. э.

---

³⁴ China's Great Wall is 21,196 km long: survey // Xinhua. 2012. 5 June / URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-06/05/c_131632790.htm

Великий канал – самая большая искусственная река в мире. Его строительство началось еще в VI в. до н. э.

На тысячу лет раньше, чем в Европе, возникло здесь литейное дело, а промышленное использования угля в плавильном производстве началось раньше на 1300 лет, еще в III веке. Еще в Ханьскую эпоху (2000 лет назад) китайцы познакомились со свойствами нефти, а в IV в. до н. э. стали использовать для обогрева своих домов природный газ, который добывали с помощью бурения скважин, обогнав в этой сфере европейские страны на 2300 лет.

Китайское происхождение имеет и ракетная техника, причем использовалась она не только для фейерверков, но и в качестве оружия (в 1232 г. с помощью пороховых ракет оборонялись от монголов жители осажденного Пекина). Китайцам принадлежит приоритет в изобретении арбалета, а также химического и газового оружия, которое впервые было применено за 2000 лет до его применения в Европе во время Первой мировой войны.

В III в. н. э. в Китае вошли в обиход стремена. Через страны Центральной Азии в VIII в. стремя попало в Европу, где, по мнению ряда исследователей, произвело настоящую революцию в военном деле: «Благодаря стремени всадники в тяжелых доспехах смогли взбираться на лошадей. Прежде ни грекам, ни римлянам такое даже не снилось... Человек на коне, каким мы его знали на протяжении минувшего тысячелетия, появился благодаря стремени, которое соединило человека и коня в боевой организм. Античность воображала кентавра; раннее Средневековье сделало его повелителем Европы»³⁵. Кроме того, по мнению Маршалла Маклюэна, рецепция китайской новинки произвела революцию и в самом социально-экономическом укладе, породив такое явление как феодализм: «Стремя привело к броне и уничтожило малые земельные наделы йоменов в пользу обширных аристократических владений, то есть породило ту же самую революцию, которая произошла в Америке, – от мелких фермеров к "аристократам"-корпорациям»³⁶.

На многие столетия опередили европейцев китайские математики. Значение числа л они установили еще III–II веке до н. э., а отрицательные числа, которые вошли в европей-

---

³⁵ Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012. С. 32, 41.

³⁶ Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. С. 35.

скую науку лишь в XIII в.³⁷, были описаны в составленной во II вв. до н. э. «Математике в девяти книгах» (*Цзю чжан суань шу*). В том же каноне приводится метод решения систем линейных уравнений, «переоткрытый» в XIX в. немецким математиком Гауссом.

Уже в III в. в Китае использовались десятичные дроби – за 13 веков до их появления в европейской математике. А десятичная система исчисления применялась в Китае еще в XIV в. до н. э., за 2300 лет до багдадского математика аль-Хорезми, через которого эта система и попала в Европу, произведя подлинную революцию в науке, сделавшую возможными большинство великих открытий и изобретений³⁸.

Поразительны успехи и китайской медицины. Анестезия впервые стала применяться здесь свыше двух тысяч лет назад, а оспопрививание распространилось еще в догомеровские времена (в Европе – в начале XVIII в.). Во II в., за пятнадцать столетий до Уильяма Гарвея, китайцы изучили систему кровообращения, выяснив, что кровь распространяется по сосудам по всему телу за счет биения сердца. И именно китайцы первыми стали проводить операции на сердце и составлять обширные систематизированные фармакопеи.

Из Китая попал в Европу даже рецепт мороженого – его привез из своих долгих странствий Марко Поло. В Китае же появился и всем известный «кетчуп» – именно так тугие на ухо англосаксы расслышали слово *гуйчжи*, букв. «рыбный сок». Изначально рецепт кетчупа не включал в себя помидоров – основным ингредиентом соуса сделали их изобретательные американцы. А вот печенье с предсказаниями, вопреки кинематографическим штампам, – традиция не китайская. Она была «изобретена» в конце XIX в. в Сан-Франциско.

Китай – это еще и пять тысячелетий непрерывной письменной истории! Древнейшие письменные знаки, найденные на луншаньской стоянке около Сиани, датируются серединой III тысячелетия до н. э. К XXI до н. э. относится основание династии Ся, создавшей первое в истории рабовладельческое государство. Ровесники Древнего Китая – Шумер, Вавилония, Древний Египет – канули в Лету тысячелетия назад – Китай же жив и поныне.

Приблизительно в III в. до н. э. в Китае начала формироваться весьма специфическая система государственного управления, основанная, в отличие от европейских аристократий, теократий или демократий, на ненаследственном чиновничьем аппарате. Государственную должность претенденты занимали по итогам сдачи письменных экзаменов, которые усложнялись по мере повышения статуса должности. При этом к экзаменам допускались все свободные граждане, независимо от происхождения, национальности и места рождения. Систему государственных экзаменов (*кэцзюй*) усовершенствовал философ-конфуцианец Дун Чжуншу, живший во II в. до н. э. Помимо знания классических конфуцианских канонов претендент был обязан продемонстрировать также свой поэтический талант и умение рассуждать о прекрасном. Другими словами, если соискатель должности не был способен понимать красоту мира и выразить ее в изящных выражениях, то ему не доверяли и надзор над амбарами.

Система кэцзюй не только обеспечивала постоянную ротацию управленческих кадров и ограждала власть от некомпетентных людей, но и предотвращала коррупцию. Чиновник, непрерывно совершенствующий свой разум философией и умягчающий душу поэзией, не станет интересоваться материальными вопросами, а потому его невозможно подкупить. На философско-поэтические темы общались с чиновниками и проверяющие их инспекторы, и если обнаруживалось, что испытуемый утратил вкус к прекрасному, то это означало, что он духовно деградирует и увлечется материальным.

---

³⁷ Впервые в европейской науке отрицательные числа описал в 1202 г. Леонард Пизанский (Фибоначчи), трактуя их как недостаток, или долг.

³⁸ Подробно о достижениях древнекитайской математики см. Needham J. *Science and Civilization in China*. Vol. 3. *Mathematics and the Sciences of the Heavens and the Earth*. Cambridge U. Press, 1959; Березкина Э. И. *Математика Древнего Китая*. М.: Наука, 1980.

Через иезуитов китайская система аттестации чиновников посредством экзаменов была заимствована некоторыми германскими государствами и во Франции. Первый в Европе экзамен на государственную службу, аналогичный кэцзюй, состоялся в Берлине в 1693 г. Эта система вызывала восхищение даже у таких завзятых «западников», как Гегель: «Все считаются равными, и в управлении принимают участие только те, у кого есть способность к этому. Таким образом, сановниками назначаются только научно образованнейшие лица. Поэтому на китайское государство часто указывали как на идеал, который должен был бы даже *служить образцом для нас*»³⁹.

Основательно изучивший проблему культурных обменов между Китаем и Европой Джозеф Нидэм приводит в своем фундаментальном труде «Наука и цивилизация в Китае» список из нескольких десятков принципиальных изобретений только в области механики, приоритет в которых принадлежит китайцам, при том, что изобретений, появившихся на Западе раньше, чем в Китае, он нашел лишь четыре – винт, нагнетательный насос для жидкостей, коленчатый вал и часовой механизм⁴⁰.

Табл. 1.

Передача технологий из Китая на Запад

---

³⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. С. 166.

⁴⁰ Needham J. Science and Civilization in China. Vol. 1. Introductory Orientations. Cambridge U. Press, 1954. P. 242–243.

Технология	Кол-во веков до появления на Западе
Цепной насос с квадратными лопатками	15
Дробильные валки для измельчения материала	13
с использованием силы воды	9
Воздуходувные машины в металлургии, использование силы воды	11
Роторный вентилятор и роторная веялка	14
Поршневые кузнечные мехи	ок. 14
Ленточный ткацкий станок	4
Банкоброш для выравнивания нити на бобинах при прядении шелка и использование силы воды в прядильном производстве	3-13
Тачка	9-10
Парусник	11
Передвижная мельница	12
Эффективная упряжь для тягловых животных: грудной ремень	8
Хомут	6
Арбалет	13
Воздушный змей	ок. 12
Вертолетный винт (вращаемый при помощи шнура)	14
Зоотроп (движимый восходящим потоком горячего воздуха)	ок. 10
Глубокое бурение	11
Чугун	10-12
Карданный подвес	8-9
Арочный мост	7

Цепной подвесной мост	10-13
Шлюзные ворота каналов	7-17
Принципы конструирования морских судов (водонепроницаемые переборки и т.д.)	> 10
Ахтерштевень	ок. 4
Порох	5-6
Применение пороха в военном деле	4
Магнитный компас: намагниченная ложка	11
с иглой	4
металлический портативный	2
Бумага	10
Книгопечатание: ксилография	6
подвижный (наборный) шрифт	4
металлический подвижный (наборный) шрифт	1
Фарфор	11-13

Табл. 2.
Передача технологий с Запада в Китай

Технология	Кол-во веков до появления в Китае
Винт	14
Нагнетательный насос для жидкостей	18
Коленчатый вал	3
Часовой механизм	3

В числе не весьма многих заимствованных у Запада технологий было искусство пивоварения – оно было завезено в Китай еще в начале XX в. немцами; именно в немецком селтльменте Циндао, а затем в Пекине были построены первые пивоваренные заводы. Заимствована на Западе, вопреки сложившемуся мнению, была и игра в пинг-понг – идея изобретения настольного тенниса принадлежит жителям Великобритании. Китайцы переняли у европей-

цев и вредную привычку табакокурения – сегодня Китай одна из самых курящих наций в мире.

Китайские изобретения послужили материальной базой европейского Ренессанса, а китайская философия легла в основу политических преобразований в Европе и революционных открытий в науке.

Исследуя влияние Поднебесной на европейскую культуру, китайский философ Чжу Цяньчжи пришел в середине XX в. к выводу, что оно фундаментально недооценено. По его мнению, именно китайские заимствования оказались главным стимулом к формированию современной западной цивилизации. Так, европейский Ренессанс был порожден «Четырьмя великими изобретениями» – бумагой, печатным делом, компасом и порохом; китайская философия лежит в основе германского монархического либерализма и французской революционной идеологии, она сформировала взгляды Вольтера, Гольбаха, Монтескье, Дидро и даже Гегеля, как известно, призывавшего навсегда вычеркнуть восточную мысль из истории философии.

Как можно заметить, Китай обладал практически всеми знаниями и технологиями, которые считаются признаком развитой цивилизации и именно по этой причине не особенно нуждался в том, что предлагали ему «заморские варвары». Не удивительно, что в конце XVII в. император Цяньлун гордо отклонил предложение короля Великобритании Георга III о начале торговли, объяснив: «Китай не нуждается в товарах варварских стран».

На протяжении двух тысяч лет Китай являлся исключительной силой в Восточной Азии – как в политическом, так и в экономическом отношении. Более того, на протяжении большего периода истории у Китая была самая крупная экономика в мире.

Поводы для гордости у китайцев были, и много. На протяжении двух тысяч лет Китай являлся исключительной силой в Восточной Азии – как в политическом, так и в экономическом отношении. Более того, на протяжении большего периода истории у Китая была самая крупная экономика в мире. Еще в 1750 г. на долю Срединной империи в мировом выпуске продукции обрабатывающей промышленности приходилось одна треть⁴¹. Население страны на то время составляло 200 млн. человек, при этом цинский Китай занимал ведущие позиции в мире не только по производительности сельскохозяйственного труда, промышленным нововведениям, но и по уровню жизни, а также военной мощи. «В эпоху своего расцвета, – утверждает Збигнев Бжезинский, – Китай не имел себе равных в мире в том смысле, что ни одна другая страна не была бы в состоянии бросить вызов его имперскому статусу или хотя бы оказать сопротивление его дальнейшей экспансии, если бы у Китая было такое намерение. Китайская система была автономной и самоподдерживающейся, основанной, прежде всего, на общей этнической принадлежности при относительно ограниченной проекции центральной власти на этнически чуждые и географически периферийные покоренные государства»⁴².

---

⁴¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 123.

⁴² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 26.

«Китайский сад» Франсуа Буше (1742) – шинуазри в изобразительном искусстве

По причине самодостаточности китайской экономики, начавшаяся в XVIII в. торговля Европы с Китаем была, по сути, односторонним процессом: вывозя из Поднебесной предметы роскоши (шелк, чай, фарфор, лаки, гобелены и прочие элементы модного в те времена стиля *шинуазри* (*chinoiserie*)), европейские страны ничего не могли предложить взамен самодостаточной экономике Китая, что обусловило колоссальный по масштабам отток серебра из «Старого света».

Китайская деревня в Царском Селе.

Шинуазри дословно переводится с французского как «китайщина», что отражает суть явления: увлечение внешними атрибутами китайской культуры без понимания ее глубинного смысла. Европейские аристократы, а позже – и буржуазия, наполняли свои дома посудой из фарфора и пасторальными картинками «из жизни Китая», а также зонтиками, веерами, табакерками, вазами, статуэтками с «китайскими» орнаментами; при дворцах и усадьбах строились павильоны и чайные домики «под Китай». Поэты, драматурги и балетмейстеры помещали действие своих произведений в фантазийный, только в их воображении существующий «Китай», где все жители – «китайцы», и сам император – «китаец». Ярким примером является сказка Карло Гоцци «Турандот». Весьма модным стало иметь в доме слугу-китайца – «китайчонка Ли».

К концу XVIII в. связи между Поднебесной и Западом начали неуклонно сворачиваться. «С концом XVIII в. кончается и "флирт Европы с Китаем", – пишет видный российский китаевед Ольга Фишман. – Облик Китая потерял свое экзотическое очарование. Философы больше не оправдывали свой деизм обращением к Конфуцию; политические теоретики и экономисты перестали пропагандировать китайскую систему правления; даже китайское

искусство уже не влекло к себе: взор, заново настроенный на классицистическую строгость, не мог теперь наслаждаться прихотливой и хрупкой прелестью китайских изделий. ... Возрождение греко-римской древности в интеллектуальной жизни Европы, развитие естественных наук и техники, колониальная экспансия, основывавшаяся на превосходстве технологии и военного искусства, – все это сыграло свою роль в европоцентризме, возникшем в это время»⁴³.

И процесс этот был обоюдный. В 1757 г. цинские власти закрыли четыре из пяти портов, ранее открытых для европейской торговли. В 1773 г. была запрещена деятельность иезуитов. Эти события традиционно трактуются в западной историографии как «политика самоизоляции» Китая, однако никакой самоизоляции, конечно, не было, поскольку, сокращая взаимодействие с Западом, Китай активно упрочивал связи с Россией, о чем мы подробно расскажем в следующей главе.

Если в XVIII в. мощный и высокоразвитый Китай еще мог диктовать свои условия «заморским чертям», то к середине XIX в. соотношение сил в мире заметно изменилось. «Китай остановился в своем развитии, богатство и мощь по капле вытекали из раздираемой кровавыми мятежами страны, – пишет американский историк Филипп Шорт. – Европа же, пройдя через промышленную революцию, вышла из нее окрепшей и полной амбициозных планов расширения сферы своих интересов. Конфликт между двумя полюсами становился неизбежным»⁴⁴.

До начала XIX в. внешнеторговое сальдо в экономических связях между Европой и Китаем было абсолютно в пользу последнего. Однако англичанам удалось найти товар для коммерческой экспансии на китайский рынок, посадив страну на опиум. Уже в 1835 г. наркотики составляли 75 % китайского импорта. Наркоманом стал каждый пятый государственный чиновник.

---

⁴³ Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 521–523.

⁴⁴ Шорт Ф. Мао Цзэдун. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 34–35.

Китаец и опиум – эта ассоциация надолго завязла в головах европейцев. Илл. П. Аляксинского к стихотворению Агнии Барто «Китайчонок Ли» (1925)

В ответ на попытки императора Даогуана запретить наркоторговлю в Гуанчжоу Великобритания развязала в 1840 г. т. н. Первую опиумную войну, в результате которой прибавила к своей короне остров Гонконг. Порты Гуанчжоу, Шанхай, Фучжоу, Сямэнь и Нинбо объявлялись открытыми для торговли и поселения англичан. Поток опиума, продаваемого британцами и американцами, огромный еще до войны, увеличился еще больше. Темпы деградации и вымирания страны стремительно взлетели.

Руины разрушенного во время Второй опиумной войны грандиозного Летнего императорского дворца в Пекине. Виктор Гюго сравнил Великобританию и Францию с двумя разбойниками, которые «ворвались в музей, опустошили, разграбили и сожгли его, а затем со смехом ретировались вместе с мешками, набитыми сокровищами».

В 1858 г., чтобы добиться еще больших привилегий в Китае, Британия, Франция и США развязали Вторую опиумную войну, выиграв которую через два года, получили право торговать и проживать и в столице, а также использовать китайцев в качестве дешевой рабочей силы (*кули*) в своих колониях. Кроме того, Великобритания объявила своей территорией полуостров Коулун в непосредственной близости от Гонконга.

В Пекине и крупнейших прибрежных городах – Тяньцзине, Шанхае Гуанчжоу – появились кварталы, где жили только европейцы. Перед входом висели таблички: «Собакам и китайцам вход запрещен». Носители древнейшей и богатейшей культуры превратились в людей второго, а то и третьего сорта, тягловую силу для рикш, полурабов.

В качестве кули китайцев использовали не только в колониях, но и в самих империалистических «метрополиях». В Соединенных Штатах, например, острая нужда в таких рабочих появилась после отмены рабства.

Кули горбались на плантациях и в шахтах буквально «за чашку риса», лишь некоторым из них посчастливилось позднее открыть мелкие предприятия – прачечные, обувные мастерские, закусочные, которые стали восприниматься как типичный китайский промысел. Вместе с тем, китайцы были лишены даже тех прав, которыми уже обладало во второй половине XIX в. чернокожее население. Они не могли получить гражданство, им запрещалось свидетельствовать в суде против белого человека, вступать в брак. При этом китайским женщинам во въезде в США отказывалось – считалось, что в Америку они едут лишь с тем, чтобы заниматься проституцией.

Китайские иммигранты отбирают работу у американцев. Карикатура Томаса Наста в журнале Harper's Weekly, июль 1870 г.

Ненависть к китайским иммигрантам, «отбирающим у них кусок хлеба», нередко выливалось в настоящие погромы. Самым известным из них была т. н. «бойня в Рок-Спрингсе» 2 сентября 1885 г., во время которой были расстреляно, забито до смерти, сожжено заживо в собственных жилищах до 50 китайских шахтеров, чья вина заключалась лишь в том, что им платили меньше, чем их белым коллегам.

Шахтеры-китайцы в поселении близ Рок-Спрингса. Иллюстрация 1885 г.

И в Китае, и у себя на родине люди Запада, очень многим обязанные значительно более древней, чем они, цивилизации, чувствовали свое неоспоримое превосходство над ней и даже свою миссию по приобщению «немытых китайцев» к «единственно правильным» европейским ценностям – «бремя белого человека».

В крайней форме эта тенденция была выражена в расовой теории Жозефа Артюра Гобино, много позднее взятой на вооружение немецкими нацистами. В своем печально знаменитом труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853) Гобино называет китайцев потомками обезьян (в отличие от своего современника Дарвина, считая это обидным), рассуждает о свойственной «желтой расе» ненависти к свободе, антипатии к воображению и потрясающей трусливости китайцев, «не желающих отвлекаться от безмятежного переваривания пищи, которое они сделали своей единственной целью в жизни»⁴⁵. Даже безусловные, на первый взгляд, достоинства китайской цивилизации Гобино представляет как позорные изъяны, например, практически всеобщая образованность китайцев и их повальная любовь к литературе является, по его мнению, «мощным инструментом застойности»⁴⁶.

И в Китае, и у себя на родине люди Запада, очень многим обязанные значительно более древней, чем они, цивилизации, чувствовали свое неоспоримое превосходство над ней и даже свою миссию по приобщению «немытых китайцев» к «единственно правильным» европейским ценностям – «бремя белого человека».

Назвать сегодня китайцев «желтыми собаками», как это было принято в американской периодике времен Марка Твена, или «наполовину бесами, наполовину людьми» сегодня вряд ли у кого-то повернется язык. И дело даже не в том, что китайцы больше не собираются терпеть унижения – изменилось само место Китая в мире. Китай становится ключевой державой не только в экономическом или политическом, но и в духовном отношении, и уже

---

⁴⁵ Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей; ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 370–371, 378, 388.

⁴⁶ Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. С. 381.

этим заставляет с собой считаться. Однако, признавая возрастающую роль Китая, представители западной цивилизации отнюдь не отводят Китаю «места за своим столом».

«С каждым годом Запад все сильнее ощущает влияние китайской цивилизации, – говорит живущий в Нью-Йорке культуролог Александр Генис. – Причем, как это водится, в нашу постмодернистскую эпоху, оно сказывается на всех интеллектуальных уровнях: от элитарной прозы первого нобелевского лауреата XXI века, писателя и драматурга Гао Синцзяня до сверхпопулярного сейчас кинобоевика тайванского режиссера Анга Ли "Крадущийся тигр, невидимый дракон". Так, входя в состав всемирной цивилизации, Китай помогает рождению истинно планетарной культуры со всеми ее еще не исхоженными путями. В них-то, в этих самых еще неисхоженных путях и состоит уникальная ценность Китая, развивавшегося вне контакта с Западом. В сущности, диалог с китайской мыслью – это разговор с пришельцами, о которых мы не устаем тосковать в нашем космическом одиночестве»⁴⁷.

Даже играя огромную роль в мировой экономике и культуре, китайцы для Запада все равно – **другие**, «пришельцы», и потому отношение к ним, как и прежде, опасливое и высокомерное. Их культура – это «тоже культура», и достижения – «тоже достижения». И это притом, что без Китая современного мира, как мы видели, просто бы не существовало.

---

⁴⁷ Генис А. Человек по-китайски // Радио Свобода. 2001. 2 июля / URL: <http://archive.svoboda.org/programs/OTB/2001/OBT.070201.asp>

Глава 2

Соседи по континенту

История непосредственных взаимоотношений российского и китайского государств насчитывает несколько столетий (в 2018 г. исполнится 400 лет миссии Ивана Петелина – первому русскому посольству в Китае). Однако общение между китайской цивилизацией и народами, населяющими сегодняшнюю Россию, взаимообогащение культур и взаимовлияние на идентичность народов началось значительно раньше.

Около десяти лет назад в науках, изучающих древнейшую историю человечества, произошёл качественный скачок. К традиционно медленным и колоссально трудозатратным наукам антропологии, археологии и палеолингвистики прибавилась ДНК-генеалогия⁴⁸. Данные о редких, раз в несколько тысяч лет, мутациях в Y-хромосомах, позволяют реконструировать «одиссею человечества» с момента возникновения общего предка до наших дней. Распространенность определенного типа мутаций получила название гаплогруппы. Определенные гаплогруппы можно ассоциировать с народами, известными в истории.

По картине мутаций в ДНК новая наука позволяет воссоздавать миграции человеческих популяций, происходившие в далеком прошлом – до десятков тысяч лет назад – и рассчитывать время этих миграций с точностью до сотен лет. С помощью методов ДНК-генеалогии было, в частности, установлено, что группа носителей индоевропейской гаплогруппы R1a1 примерно 3600 лет назад перешла с Южного Урала в Индию. Вместе с языком переселенцы дали местным народам индоевропейскую религию и космогонию (структурное и содержательное сходство индийских Вед с другими индоевропейскими источниками, от Авесты до греческих теогоний и «Голубиной книги» (сборника восточно-славянских духовных стихов XV–XVI вв., уходящих корнями в далекую эпоху индоевропейской общности), отмечали многие исследователи, в т. ч., Антуан Мейе, Жорж Дюмезиль, Владимир Топоров, Александр Зайцев, Томас Гамкрелидзе, Вячеслав Иванов, Михаил Серяков и др.) Аналогичное вторжение индоевропейцев в течение III–II тыс. до н. э. было в Иран, Грецию и другие территории.

На основе индоевропейской ведической религии и брахманизма сформировался индуизм, одна из наиболее крупных по числу последователей религий мира, а также буддизм, ныне – одна из ведущих мировых религий. В середине I в. буддизм начал проникать в Китай, со временем став одной из наиболее распространенных религий в Средней империи и во многом сформировав сам национальный характер китайцев, принципы китайской эстетики и основы духовной организации общества. Так опосредованным образом Китай подвергся духовному влиянию индоевропейской культуры.

Дальше других в Центральную Азию продвинулся один из самых загадочных индоевропейских народов – тохары. Остатки их цивилизации и памятники письменности были найдены в Китае, на территории современного Синьцзяна. Их изучение показало, что всего лишь 1000 лет назад здесь существовал архаичный язык, сохранивший реликтовые формы индоевропейской основы и более близкий к языкам западных, а не восточных индоевропейцев, в окружении которых они находились. Было также выяснено, что тохарская культура оказала влияние на китайскую. Факты первых контактов тохарского и древнекитайского язы-

---

⁴⁸ Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М.: Белые альвы, 2010. С. 14.

ков относятся еще к III в. до н. э., причем заимствование слов происходило как из тохарского в китайский, так и наоборот⁴⁹.

Контакты между Китаем и народами, проживающими на территории современной России, вошли в новую фазу в связи с открытием Великого шелкового пути, северная часть которого проходила через Крым, Кавказ, Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье и достигала Южного Урала. Благодаря активным культурным и экономическим обменам на протяжении этой главной магистрали древности и средневековья началось формирование государственных образований, первоначально состоявших из цепочки торгово-военных факторий вдоль основных торговых путей (Волжская Булгария, Хазарский каганат, Русский каганат).

Непосредственные контакты с далеким Китаем начались у России уже значительно позднее. В 1246 г. участники миссии Плано Карпини были свидетелями проходившей в Каракоруме церемонии провозглашения Гуюка великим ханом Монгольской империи, на которой присутствовали в числе «четырёх тысяч послов» покоренных чингизидами народов великий князь Ярослав Всеволодович и несколько «вождей китаев»⁵⁰. Очевидно, что там, в ставке великого хана, и могли произойти первые контакты между представителями Руси и Китая – не в этот, так в другой раз: Каракорум русские князья посещали часто и жили там подолгу.

На китайских картах государство русских, *алосы*, появляется в XIV в. – как северо-западная оконечность Монгольской империи. К этому времени о наших предках в Поднебесной знали уже не понаслышке – в пекинской гвардии был даже отдельный полк, укомплектованный русскими воинами. Впервые о нем упоминает китайская летопись «Юаньши» за 1330 г.

Факт существования в средневековом Китае русского полка удивителен, но вполне объясним. «В ту пору появление русских в Пекине было следствием обычая монгольских ханов набирать в покоренных ими владениях дружины и включать их в свою пекинскую гвардию»⁵¹, – пишет знаменитый русский китаевед XIX в. Петр Кафаров (о. Палладий).

На китайских картах государство русских, *алосы*, появляется в XIV в. – как северо-западная оконечность Монгольской империи. К этому времени о наших предках в Поднебесной знали уже не понаслышке – в пекинской гвардии был даже отдельный полк, укомплектованный русскими воинами.

Под поселение для Русского полка был куплен большой участок земли между Великой стеной и Пекинской равниной, гвардейцы были снабжены одеждой и хлебом. Последнее упоминание о русской дружине на службе пекинских ханов датируется 1334 г. – дальнейшая ее судьба неизвестна. «Тем не менее, – указывает о. Палладий, – замечателен факт, что русские православные колонии еще в первой половине XIV в. пребывали в Китае, а быть может, и в Маньчжурии, ... где чрез несколько столетий после того суждено было снова повеять русскому духу, но уже с иными правами и с надеждой на плодотворную будущность»⁵².

В XV в. Россия начала движение на Восток, стремясь подчинить себе области распавшейся империи монголов. В 1483 г. состоялся первый русский поход на Сибирь. А несколько ранее (1466–1472) состоялось первое русское путешествие в Индию – знаменитое «хождение за три моря» Афанасия Никитина, не принесшее коммерческого успеха (индийские товары оказались неподходящими для России), однако расширившее знания русских о таин-

---

⁴⁹ Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMIASIA, 2012. С. 19.

⁵⁰ Иоанна де Плано Карпини, архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами Татарами. С. 75.

⁵¹ О. Палладий (П. Кафаров). Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 64.

⁵² О. Палладий (П. Кафаров). Русское поселение в Китае... С. 65.

ственном Востоке. Следующее путешествие в Индию состоялось уже при Петре I, однако миссия Семена Маленького (1696) также не привела к открытию торговли.

Успешнее были действия в Сибири и на границе с Китаем, которые велись казаками. Первым русским послом к пекинскому двору стал Иван Петелин (1618), который привез в Тобольск китайскую грамоту, прочесть которую, естественно, там никто не мог.

Активные попытки установить дипломатические и, как следствие, торговые отношения с Пекином начались после походов Ерофея Хабарова, Афанасия Пашкова и др., приведших к освоению Приамурья и расширению влияния на Маньчжурию. Эпопея мирного завоевания Сибири, когда многие из языческих народов охотно принимали православие и русское подданство, не имела прецедента во всемирной истории. Ясак в виде пушнины, который они выплачивали в казну, был необременительным. Казаки и стрельцы обучали аборигенов земледелию, учили строить теплое жилье, снабжали железными орудиями труда и оружием для охоты. В Сибири и на Дальнем Востоке возникли первые русские остроги – крепости с гарнизонами, защищавшие как русское, так и аборигенное население от набегов чужаков. В результате экспедиций Дежнева, Хабарова, Атласова, Пояркова и других первопроходцев к российскому государству была присоединена огромная территория, охватывающая весь северо-восток Евразии.

Вместе с тем, официальные посольства, отправленные в Пекин во второй половине XVII в., трудно назвать успешными, что было связано со спецификой китайского придворного этикета. Чиновники из «Ведомства церемоний» заставляли прибывающих из разных стран, в том числе и из России, посланцев зарубежных «вассалов» тщательно репетировать, а затем неоднократно – перед грамотой императора, при въезде в пределы империи, перед передними (южными) воротами дворца, перед пустым тронем и, наконец, во время аудиенции императора – исполнять обряд коленопреклонения. В случае невыполнения ритуала провинившихся дипломатов высылали из страны. Так было, например, с боярским сыном Федором Байковым, прибывшим в Пекин в 1665 г. и отказавшимся исполнить обряд *коутю*, дабы «царской чести не порушить» – вместе с посольством он был вынужден уехать, не повидав императора, и увезти обратно свои подарки⁵³.

Не намного более удачной оказалась и миссия Николая Спафария (1676), также уехавшего ни с чем, однако привезшего с собой познавательнейший и выдающийся в литературном отношении «статейный список» о своем путешествии, содержащий массу сведений об еще неведомом и таинственном в ту пору Китае⁵⁴.

С воцарением Петра I внешняя политика государства концентрируется на западном направлении. Именно с этим связано заключение в 1689 г. Нерчинского договора, по которому к Китаю отходил ряд российских территориальных приобретений, в т. ч. Приамурье, а основанная Хабаровым героическая крепость Албазин подлежала уничтожению. Нередко Нерчинский договор трактуют как политический провал России, объясняют его военной слабостью нашей страны на Дальнем Востоке. Однако русские имели в то время подавляющее военное превосходство над Цинской империей (казацкие отряды добивались побед даже при двадцатикратном численном перевесе маньчжуров). А территориальные уступки объясняются чисто прагматическими мотивами: взамен утраченного Приамурья Россия получала право на регулярную (и сверхприбыльную) торговлю с Китаем, обладавшим огромным рынком.

Первый казенный караван был отправлен из России в 1693 г., а уже в 1715 г. в Пекине была открыта Духовная миссия – посольство России в Китае. Формальным поводом для

---

⁵³ Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. («Роспись» И. Петелина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966. С. 128–131.

⁵⁴ Спафарий Н. М. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

ее открытия была забота о русских казаках, проживавших в китайской столице с 1685 г. В 1727 г. был подписан Кяхтинский договор, который устанавливал границу с монгольскими землями, определял порядок дипломатических сношений между странами и восстанавливал караванную торговлю с Пекином. В 1731 г. в Москву и в 1732 г. в Петербург прибыли китайские посольства от Иньчжэня. Россия стала первым европейским государством, которое посетили китайские послы.

Россия стала первым европейским государством, которое посетили китайские послы. На илл.: Ефим Виноградов. Вид Зимнего дворца Петра I

Одним из результатов подписания Кяхтинского договора стало создание на русско-китайской границе торгового центра поистине грандиозного масштаба. Оборот торговли через Кяхту достигал 16 млн. рублей, что превышало 10 % от всего внешнеторгового оборота России.

Если учесть тенденцию к самоизоляции Китая от западных стран во второй половине XVIII в., именно Россия из всех стран «Старого света» имела в те времена с Китаем наиболее тесные сношения. С развитием связей усиливалось взаимообогащение культур. Взаимообмен происходил не только в сфере технологий и военного дела, но и на бытовом уровне. Так, именно от русских китайцы узнали о коровьем молоке, которое с тех пор вошло в повседневный рацион их питания: оно появилось в Китае в XVIII в. вместе с казаками-абазинцами, взятыми в плен на Амуре и основавшими русскую колонию в Пекине. Именно они привезли с собой коров.

В свою очередь, русские заимствовали в Китае одну из самых любимых игрушек детворы – куклу Ванька-встаньку (по-китайски – *Дамо*; это название кукла получила от китайского имени основателя чань-буддизма Бодхидхармы, которого она изображает). На протяжении многих поколений она учила русских детей стойкости.

Если учесть тенденцию к самоизоляции Китая от западных стран во второй половине XVIII в., именно Россия из всех стран «Старого света» имела в те времена с Китаем наиболее тесные сношения.

Огромный интерес к Китаю проявляли российские ученые. В 1760-1780-е гг. появляется ряд важных переводов, опубликованных бывшими сотрудниками Российской духовной миссии в Пекине – И.К. Россохиным и А.Л. Леонтьевым. В 1837 г. в Казанском универси-

тете впервые в России началось преподавание китайского языка, а в 1851 г. – и китайской литературы.

Исключительное значение для науки имели переводы и исследования по истории, этнографии, географии и лингвистике Китая, выполненные в первой половине XIX в. Никитой Яковлевичем Бичуриным, более известным современникам под монашеским именем о. Иакинф. В 1819–1851 гг. он создал китайско-русский словарь, опубликовал 14 книг и около 100 статей о Китае, перевел с китайского десятки важнейших исторических трудов. «В трудах Бичурина достижения европейской науки впервые были обогащены достижениями науки китайской, – отмечают академик Владимир Мясников и профессор Ирина Попова. – Он оценил то, что максимально полный охват материала и непреложность факта на протяжении многих веков оставались главными принципами китайской историографии. Ему удалось соединить рационализм и практицизм китайского историописания с западным сопоставительным исследовательским методом. Фактически он был первым европейским ученым, осознавшим подлинное значение китайской гуманитарной науки и признавшим ее равную ценность с западной»⁵⁵.

Отец Иакинф стал первым русским китаеведом, получившим общеевропейскую известность. Его воздействие на отечественную культуру заметно не только в области синологии: например, его рассказы о жизни в Пекине повлияли на замысел утопической повести Владимира Одоевского «4338-й год. Петербургские письма». Под влиянием трудов Бичурина Лев Толстой предпринял попытку перевести на русский язык сокровища китайской мудрости – *Дао дэ цзин* и *Лунь юй* – на язык, понятный простому русскому народу.

Весь XIX в. Китай и Россия активно упрочивали двусторонние связи. Апогей этой активности приходится на вторую половину XIX – начало XX в. В 1858 г. был подписан Айгуньский договор, вернувший России часть Приамурья, в 1860 г. – Пекинский договор, по которому России передавался Уссурийский край и ряд льгот на территории Китая.

---

⁵⁵ Мясников В.С., Попова И.Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н.Я. Бичурина // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 72. № 12. С. 1104.

Свободный от европоцентристских предрассудков, о. Иакинф (Бичурин) впервые дал объективную картину «гражданского и нравственного состояния» Китая. «Я первый раскрыл неверность сведений и неосновательность мнений о сем государстве, укорененных в Европе, – писал он, – и несправедливо думает тот, кто это раскрытие считает защитением».

С 1883 по 1886 г. на территории Маньчжурии существовала т. н. Желтугинская республика – уникальный пример самоорганизации русских и китайцев в общее протогосударственное образование. Уже к 1885 г. золотоносная река Желтуга привлекла на свои берега

более 15 тысяч охотников за длинным рублем, в «республике» действовали жесткие законы, пресекавшие преступность, имелось собственное правительство, работали магазины, гостиницы, игорные дома и даже зоопарк.

В 1896 г. был заключен Московский договор о союзе России и Китая против Японии, в т. ч. предоставивший России право на постройку железнодорожной магистрали через Манчжурию (КВЖД), ставшую мощным фактором утверждения нашей страны как тихоокеанской державы. В 1898 г. была подписана конвенция об аренде Россией портов Порт-Артур и Дальний, по сути, превращающихся в российские военно-морские базы. В том же году был заложен Харбин – ярчайший символ российско-китайского сотрудничества. Размах строительства этого города был таким, что его сравнивали со стремительно растущими американскими городами. Всего за несколько лет он превратился в настоящий мегаполис, расположенный на перекрестке водных, сухопутных, железных и торговых дорог и, подобно же Дикому Западу, привлекающий пассионариев со всей Российской империи. Из 100 тысяч жителей более трети составляли русские. Наряду с местной в городе действовали русская администрация и полиция, ходили особые «харбинские» рубли. А после Октябрьской революции Харбин стал одним из главных центров русской эмиграции. До середины XX в. Харбин оставался единственным городом, в котором сохранялись дореволюционный русский уклад жизни и русская культура.

Уже в начале XX в. Харбин – русский город в Китае – представлял собой настоящий мегаполис

Даже в условиях военных соприкосновений с Россией (как было, например, во время Боксерского восстания 1900 г., когда русские войска вошли в захваченный мятежниками Пекин), местное население относилось к нашей стране весьма благодушно: в северном соседе жители Поднебесной видели воплощение конфуцианского принципа справедливости, в отличие от Запада, строящего свою политику по отношению к Китаю на хищничестве и неуважении к традициям.

Эта политика вызывала негодование у такого гуманиста, как Лев Толстой, обращавшегося к китайскому народу со словами поддержки и сочувствия: «Вы жили своей отдельной

от европейцев жизнью, ничего от них не требуя и прося только того, чтобы они вас оставили в покое, но они, под самыми странными предложениями, лезли с своими товарами, с своею религией, и как только был какой-нибудь предлог, бросались на вас, как дикие звери, как разбойники, и вырывали у вас то, что им было нужно.

Так шло это уже несколько веков, но не потому, что вы стали иные, а только потому, что их жадность увеличилась, они в последнее время всё наглее и наглее нападали на вас, залезали к вам и захватывали обитаемые вами земли....

Войска Белого царя в Пекине. 15 августа 1900 г.

Поступки против вас европейцев вызывают в нас величайшее, негодование по своей несправедливости и жестокости. Мы всей душой сочувствуем незаслуженным страданиям, которые несет теперь ваш народ, в особенности сострадаем лишенным крова и пищи – миллионам детей, женщин, стариков; возмущаемся против зверств, совершаемых европейцами среди вашего народа, но более всего возмущены той ужасной ложью и клеветой на христианское учение, во имя которого они совершают все свои ужасы»⁵⁶.

В век великих войн и революций – судьбы Китая и России сплелись еще сильнее. Большую часть двадцатого столетия Китай, по сути, шел в фарватере своего северного соседа – в том числе, и по той причине, что Запад высокомерно игнорировал попытки Поднебесной пойти с ним на сближение.

Большую часть двадцатого столетия Китай, по сути, шел в фарватере своего северного соседа – в том числе, и по той причине, что Запад высокомерно игнорировал попытки Поднебесной пойти с ним на сближение.

Интерес к достижениям западной цивилизации появился в Китае уже во второй половине XIX в., когда великая еще недавно держава превратилась в практически бессубъектное пространство, колонию империалистических держав, разделивших ее на сферы влияния.

---

⁵⁶ Толстой Л. Обращение к китайскому народу // Толстой Л. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 339.

Именно тогда правящая элита инициировала т. н. «политику самоусиления» (1861–1894 гг.), лозунгом которой стал тезис «китайская мудрость для фундаментальных принципов, западная мудрость для практического использования» (*тиюн*). Политика самоусиления предполагала заимствование Китаем у Запада современных технологий, в первую очередь – военных.

Ряд ученых и политиков (Янь Фу, Кан Ювэй, Лян Цичао, Ху Ши и др.), однако, считали, что вестернизация Китая должна стать абсолютной, охватив все сферы жизни, а от всего китайского необходимо освобождаться как от рабских оков, сдерживающих развитие общества. В презрении к своим традициям, культуре, народу китайские «западники» зачастую превосходили даже самых отпетых российских либералов сегодняшнего дня. «Беда Китая не в том, что он утрачивает свою национальную сущность, а в том, что ее пытаются сохранить, – утверждал, например, философ Ху Ши. – Китай уступает странам Запада не только в материальном и теоретическом отношении, но и стоит ниже других стран в сфере морали, науки, литературы, искусства, музыки. Даже в физическом здоровье мы уступаем людям Запада»⁵⁷.

Куда более взвешенной была позиция лидера движения Тунмэнхой Сунь Ятсена. Несмотря на европейское образование и христианское вероисповедование, Сунь был убежден, что Китай должен идти по особому пути развития, отличному от западного. По его мнению, в основе нового китайского общества должны лежать *три народных принципа*: национализм (Китай должен был освободиться от гнета маньчжурской династии и империалистических держав), народовластие (монархический строй в стране должен быть смещен республиканским) и народное благосостояние (бедность в стране должна быть побеждена за счет создания индустриальной экономики и обеспечения равенства крестьянского землевладения).

Именно Тунмэнхой стал ведущей политической силой Синьхайской революции 1911–1912 гг., в результате которой была свергнута маньчжурская монархия. Временным президентом Китайской республики стал Сунь Ятсен, однако вскоре ему пришлось передать полномочия генералу Юань Шикаю. В августе 1912 г. на основе движения Тунмэнхой была создана Национальная партия (Гоминьдан), которой было суждено сыграть огромную роль в истории современного Китая.

Юань Шикай играл в демократию весьма недолго – в 1914 г. он распустил парламент, подавляющее количество мест в котором занимали гоминьдановцы. Планы Юаня восстановить монархию и провозгласить себя императором в 1915 г. привели к восстанию военных сначала в южных провинциях, а затем и по всему Китаю.

После смерти Юань Шикая в 1916 г. страна фактически распалась: губернаторы и генералы не подчинялись центральному правительству, располагали собственными армиями, самостоятельно заключали союзы с западными державами. Китай оказался ввергнутым в многолетнюю гражданскую войну.

Подлинным центром объединения Китая в эти трагические годы стал юг страны, где с июля 1917 г. действовало правительство Сунь Ятсена – т. н. Правительство защиты конституции. Поначалу лидер Гоминьдана искал поддержку на Западе, призывая поддержать модернизацию Китая, что, по его мнению, могло бы стать важным фактором мирового прогресса. «Моя идея, – писал Сунь Ятсен, – состоит в желании использовать иностранный капитал для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономические формы, двигая человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации»⁵⁸.

---

⁵⁷ Цит. по: Асланов Р. М. Китайская модель социализма: экономическая эффективность или социальная справедливость? // Коммунистическая партия Китая: История и современные проблемы. К 80-летию Коммунистической партии Китая. М.: Институт Дальнего востока РАН, 2001. С. 132

⁵⁸ Сунь Ятсен. Программа строительства государства // Сунь Ятсен. Избранные произведения, М.: Наука. Главная

Однако его призывы остались неслышанными, и Сунь устремил взор на Советскую Россию.

Летом 1918 г. Сунь Ятсен послал приветственную телеграмму Ленину, в которой выразил надежду на сотрудничество их революционных партий. Налаживанию контактов поспособствовали встречи Сунь Ятсена с деятелями Коминтерна Григорием Войтинским, Хенком Сневлитом и Сергеем Далиным, а также с российским полпредом в Китае Адольфом Иоффе. По результатам бесед с Иоффе в 1923 г. было выпущено коммюнике, в котором было отмечено, что Китай пока не готов к утверждению в нем «коммунизма или советизма», и самой его насущной задачей на данный момент является национальное объединение и приобретение полной национальной независимости, в чем он может рассчитывать на поддержку России⁵⁹.

Эта задача предполагала объединение Гоминьдана в единый фронт с другими прогрессивными силами Китайской Республики, прежде всего, с Коммунистической партией Китая, созданной при непосредственном участии представителей Коминтерна.

Толчком к распространению в Китае коммунистических идей стала Октябрьская революция 1917 г., с энтузиазмом встреченная левой интеллигенцией. Профессор Пекинского университета Ли Дачжао восторженно пророчествовал: «Отныне повсюду будут видны победные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни. Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени»⁶⁰.

Другим событием, определившим судьбу Китая, стала Парижская мирная конференция 1919 г., руководители которой – американский президент Вудро Вильсон, английский премьер Дэвид Ллойд Джордж и глава правительства Франции Жорж Клемансо – буквально вытерли ноги о китайскую делегацию, закрепив за Японией права на захваченную ей в 1914 г. провинцию Шаньдун с портом Циндао. Иллюзии периода войны относительно западного «либерализма» развеялись в одночасье: стало очевидно, что Запад по-прежнему относится к Китаю как к полуколонии.

Протест против итогов Парижской конференции вылился в Китае в бурные народные волнения, названные «Движением 4 мая». Именно в этот день 1919 г. на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь начались выступления студентов под лозунгом: «Защитим государственный суверенитет». Вскоре в борьбу включились и рабочие, по стране прокатились забастовки, бойкотировались японские товары. В результате китайское правительство было вынуждено освободить арестованных студентов и ушло в отставку, отказавшись подписать Версальский мирный договор с Германией. По словам профессора Шанхайского университета Чжу Сюэциня, «Движение 4 мая» ознаменовало самый серьезный поворот в истории Китая в новое время: китайская элита окончательно отвернулась от идей западной демократии и стала считать примером для себя вместо западных стран большевистскую Россию⁶¹.

В 1920 г. при организационной поддержке Коминтерна и лично Григория Войтинского в Китае стали образовываться первые коммунистические кружки. Кружок в Шанхае сплотился вокруг активного участника «Движения 4 мая» Чэнь Дусю; пекинский кружок возглавил Ли Дачжао, в скором времени привлекая к работе своего молодого помощника, сотрудника библиотеки Пекинского университета Мао Цзэдуна. В июле 1921 г. в Шанхае

редакция восточной литературы, 1985. С. 280.

⁵⁹ Сообщение РОСТА о коммюнике полномочного представителя РСФСР в Китае А. А. Иоффе и Сунь Ятсена по поводу советско-китайских отношений. 27 янв. 1923 г. // Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 64–65.

⁶⁰ Ли Дачжао. Победа большевизма // Ли Дачжао. Избранные произведения. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 161.

⁶¹ Чжу Сюэцинь. Два очага духовного нездоровья, возникшие со времени Движения «4 мая» 1919 г. // Галенович Ю.М. Нации и государства: Сб. статей о китайско-американских отношениях. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. С. 134.

состоялся съезд делегатов марксистских кружков, на котором была основана Коммунистическая партия Китая. Активное участие в работе съезда приняли представитель Коминтерна Хенк Сневлит (Маринг) и Владимир Нейман (Никольский). Партия поставила целью свержение капиталистических классов, установление диктатуры пролетариата и построение социализма. Секретарем Центрального бюро КПК был избран Чэнь Дусю.

Между КПК и Национальной партией было налажено сотрудничество. Сам Гоминьдан в соответствии с указаниями представителя Коминтерна Михаила Бородина был реорганизован по принятому в компартиях принципу демократического централизма. «Русские – люди большого размаха, обширных познаний, поэтому они сумели выработать правильные методы, – пояснял свое решение обратиться к советскому опыту Сунь Ятсен. – Мы должны учиться у России ее методам, ее организации, ее подготовке членов партии, только тогда мы можем надеяться на победу»⁶².

На I съезде обновленного Гоминьдана в 1924 г. были приняты три важнейших постановления: союз с СССР – первым в мире государством, порвавшим цепи империалистической эксплуатации, поддержка борьбы крестьянских и рабочих масс Китая и союз с КПК. Последний пункт, в частности, предполагал индивидуальный прием в партию коммунистов. В том же году был создан единый национально-революционный фронт для борьбы с милитаристскими кликами. В Китай были направлены советские инструкторы для подготовки кадров профессиональных революционеров, партия Сунь Ятсена щедро снабжалась деньгами, товарами и оружием. В созданных в Южном Китае офицерских школах советскими военными советниками были подготовлены более 6 тысяч офицеров. Многие члены Гоминьдана направлялись на учебу в Москву – среди них был и Чан Кайши, самый многообещающий офицер из окружения Сунь Ятсена.

---

⁶² Сунь Ятсен. Добиваться успехов силами членов партии, а не только силами войск // Сунь Ятсен. Избранные произведения, М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 329, 327.

«Мы должны учиться у России ее методам, ее организации, – призывал основатель Гоминьдана Сунь Ятсен. – Только тогда мы можем надеяться на победу».

Таким образом, и КПК, и Гоминьдан – партии, которым предстояло сыграть решающую судьбу в истории нового Китая – были возвращены Советским Союзом. И хотя Москва не сильно скрывала своей большей расположенности к китайским коммунистам, видя мелкобуржуазный характер Гоминьдана, поддержка оказывалась обеим партиям в равной степени. Тем более что союз с партией популярного в Китае Сунь Ятсена уже сам по себе укреплял позиции КПК. Отправляясь в деревни и на фабрики от имени Гоминьдана, коммунисты вели там свою агитацию и приобретали все больше сторонников.

В 1925 г. после смерти Сунь Ятсена во главе правительства и партии встал недавно вернувшийся из Москвы Чан Кайши. Под его командованием объединенные силы гоминьдановской Национально-революционной армии и китайских коммунистов в 1926 г. начали знаменитый Северный поход, намереваясь объединить страну военным путем. НРА многократно уступала по численности армиям противника, однако благодаря активной помощи Советского Союза (как оружием и самолетами, так и военными специалистами, которых возглавлял Василий Блюхер) уже в 1927 г. власть Чан Кайши признал почти весь Китай.

И КПК, и Гоминьдан – партии, которым предстояло сыграть решающую судьбу в истории нового Китая – были возвращены Советским Союзом.

В апреле 1927 г. Чан Кайши, которого беспокоила растущее влияние Компартии, принял решение о физическом уничтожении ее сторонников. По договоренности с главой Гоминьдана члены т. н. Зеленой банды, вооруженные властями иностранных концессий, начали в Шанхае резню красногвардейцев, в результате которой погибло около 5 тысяч человек. По стране начались массовые аресты и расстрелы деятелей КПК. Коммунисты ушли в подполье.

Разрыв КПК и Гоминьдана привел к десятилетней Гражданской войне (1927–1937). Уступающим в военной мощи коммунистам пришлось отступить на север, в провинцию Шэньси, где был создан т. н. Шэньси-Ганьсу-Нинсянский советский район (Шэньганьнин) со всеми атрибутами суверенного государства – своим законодательством, экономикой, армией, системой образования, валютой. Укрывшиеся в горах Северного Китая, коммунисты во главе с Мао Цзэдуном копили силы для дальнейшей борьбы.

Нелегкое перемирие между Гоминьданом и коммунистами наступило в июле 1937 г., когда Япония вступила в войну с Китаем.

В столице Китайской Республики Нанкине японцы следовали правилу «трех дочиста» – «выжигай дочиста», «убивай всех дочиста», «грабь дочиста».

Зверства японцев не имели аналогов в мировой истории, зачастую превосходя даже зверства нацистов. Лишь во время т. н. Нанкинской резни в конце 1937 г. японцы уничтожили свыше 300 тысяч мирных жителей и военнопленных, что превосходит число жертв бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Японские солдаты даже не тратили пуль – они отрубали китайцам головы мечами, закалывали их штыками, травили собаками, закапывали заживо в землю, обливали бензином и сжигали, вспарывали животы, выворачивая внутренности наружу. Насиловали всех – даже девочек-подростков и старух. По воспоминаниям очевидцев, по Янцзы нельзя было проплыть на лодке – мешали десятки тысяч трупов⁶³.

Специальным циркуляром японским военнослужащим разрешалось принимать в пищу мясо китайцев. Для офицеров людоедство обставлялось торжественными церемониями; к столу японцев рангом ниже подавался суп из мяса убитых пленных.

Чудовищные зверства чинились во всех городах, куда ступала нога японского захватчика. Широко распространена была практика использования пленных для медицинских опытов – их заражали выращенными в лабораториях бактериями чумы, холеры, тифа, сибирской язвы, газовой гангрены, варили в кипятке, замораживали, последовательно удаляли внутренние органы, заменяли человеческую кровь обезьяньей или лошадиной. Все это делалось для установления количества времени, которое человек сможет прожить под воздействием перечисленных факторов. В своих отчетах японские живодеры именовали подопытных «бревнами»⁶⁴. Особенно прославился своими опытами над живыми людьми т. н. «отряд 731» – настоящий конвейер смерти. После окончания Второй мировой войны изу-

---

⁶³ Куприянов А. Уроки ненависти. За что в Китае не любят японцев // Лента. Ру. 2015. 3 сент. / URL: <http://lenta.ru/articles/2015/09/03/chinana>

⁶⁴ Из приговора военного трибунала // Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 238.

веры из этого подразделения нашли убежище в армии США, которая переняла их преступный опыт⁶⁵.

Специальным циркуляром японским военнослужащим разрешалось употреблять в пищу мясо китайцев – это не считалось каннибализмом, поскольку китайцы не считались людьми. «Иногда людоедство обставлялось для офицеров торжественными церемониями, имело место во время празднеств, – указывалось в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока, судившего в 1946–1948 гг. японских военных преступников. – Даже высшие офицеры в звании генералов и контр-адмиралов принимали в этом участие (суп из мяса убитых пленных подавался к столу японцев рангом ниже)⁶⁶.

Подобно Гитлеру, японские милитаристы делали ставку на молниеносную войну, рассчитывая полностью захватить Китай всего за три месяца. Однако планы оккупантов не сбылись.

Уже осенью 1937 г., несмотря на серьезные проблемы в двусторонних отношениях в недалеком прошлом⁶⁷, Советский Союз начал масштабную помощь Китайской Республике. Только в 1938–1939 гг. СССР предоставил Китаю займы на сумму в 250 млн. долларов США. За период 1937–1941 гг. в Китай было поставлено более 1000 самолетов, около 100 танков, тысячи единиц артиллерийского и стрелкового оружия⁶⁸. Грузы везли по автодороге, которую специально для этого проложили через Синьцзян.

---

⁶⁵ См. подробнее: Моримура Сэйити. Кухни дьявола. М.: Прогресс, 1983.

⁶⁶ Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. С. 69.

⁶⁷ Отношения между странами резко испортились после конфликта на КВЖД в 1929 г. После захвата маньчжурскими властями зданий и имущества Китайско-Восточной железной дороги, а также советского консульства в Харбине, арестов и казни советских граждан, СССР разорвал с Китайской Республикой дипломатические отношения и жестко ответил на вооруженную провокацию. Дипотношения между странами были восстановлены лишь в 1932 г., уже после оккупации Маньчжурии Японией.

⁶⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М.: Кучково поле, 2014. С. 97.

ВВС Китая были созданы, укомплектованы и обучены в рамках советской военной помощи в конце 1930-х гг. У советских инструкторов прошли подготовку тысячи китайских летчиков, многие из которых стали настоящими асами

В оказании Китаю непосредственной военной помощи участвовали десятки военных специалистов, в т. ч. такие видные военачальники, как Василий Чуйков, Павел Рыбалко, Павел Батицкий, Павел Жигарев, Григорий Тхор, и 3,5 тысячи добровольцев, в первую очередь, летчиков и авиатехников. Благодаря этому к началу 1939 г. резко упали потери в китайской армии. Если в первый год войны китайские потери убитыми и ранеными составляли 800 тыс. человек (5:1 к потерям японцев), то за второй год они уравнились с японскими (300 тыс.)⁶⁹.

По словам замдиректора Института стран Азии и Африки МГУ Андрея Карнеева, «Советский Союз оказался фактически единственной страной, которая была готова не про-

⁶⁹ Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 78.

сто на словах, но и фактически на деле оказать военную помощь Китаю»⁷⁰. Помощь Китаю исходила и из США, но чисто символическая. Так, с июля 1937 г. по январь 1938 г. Китай получил от США всего 11 самолетов, 450 тонн пороха и в 10 раз меньше финансов, чем от СССР. Зато Японию Вашингтон поддерживал щедро, только в 1937 г. поставив ей свыше 5,5 млн. тонн нефти и более чем на 150 млн. иен станков. В 1937–1939 гг. Япония получила от США военную помощь и стратегическое сырье на сумму 511 млн. долларов⁷¹. Американская нефть перестала поступать в Японию лишь в конце июля 1941 г. – после оккупации японскими войсками Южного Индокитая⁷². Ни США, ни Великобритания, столь чтимые Чан Кайши, не выступили даже с осуждением японской агрессии против Китая.

Советский Союз оказался фактически единственной страной, которая была готова не просто на словах, но и фактически на деле оказать военную помощь Китаю.

Несмотря на военное превосходство противника, Китай не капитулировал, в течение восьми лет упорно сопротивляясь Японии, за несколько месяцев вытеснившей Великобританию, Францию, Голландию и США из их азиатских колоний. Боевыми действиями на своей территории Китай сковал 80 % личного состава японских вооруженных сил, которые могли бы захватить Индию, Австралию, Иран, напасть на советский Дальний Восток. Именно по этой причине советская помощь Китаю не прекращалась даже после начала Великой Отечественной войны, а советские летчики и военные специалисты продолжали воевать там даже тогда, когда шли бои под Москвой. Например, генерал Чуйков, герой Сталинградской битвы, прибыл на фронт только в 1942 г. непосредственно из Китая, где занимал должность главного военного советника Чан Кайши⁷³.

9 августа 1945 г. Советская армия вступила в войну против империалистической Японии и менее чем за месяц наголову разгромила миллионную Квантунскую армию, дислоцированную в Маньчжурии, освободив от японской оккупации весь Северный Китай и часть Центрального Китая. Однако мир для Китая еще не наступил. В июне 1946 г. в стране началась полномасштабная гражданская война, через три года закончившаяся победой коммунистов.

1 октября 1949 г. лидер компартии Китая Мао Цзэдун провозгласил образование КНР. Советский Союз первым признал Китайскую Народную Республику, установив с ней дипломатические отношения уже на следующий день. Между двумя странами установились отношения дружбы и сотрудничества.

В конце 1949 г. Мао приехал в Советский Союз. Никогда прежде правитель Поднебесной не покидал ее пределов.

В конце 1949 г. Мао приехал в Советский Союз. Никогда прежде правитель Поднебесной не покидал ее пределов. Но до сих пор Китаю никогда и не приходилось изменять свой многовековой уклад на заграничный манер. Официальное «господа» в адрес членов китайской делегации довольно быстро сменилось обращением «товарищи» – по советскому стандарту.

Вопреки распространенному мнению о том, будто бы Сталин очень долго не принимал Мао Цзэдуна и вообще относился к нему без должного внимания и уважения, встреча вождей

---

⁷⁰ Бочкарев В. Андрей Карнеев: «Главная роль Китая во Второй мировой войне в том, что он просто не сдался» // Журналистская правда. 2015. 5 сент. / URL: <http://jpgazeta.ru/andrey-karneev-glavnaya-rol-kitaya-vo-vtoroy-mirovoy-voynе-v-tom-chto-on-prosto-ne-sdalsya>

⁷¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. С. 100.

⁷² Территория современных Лаоса, Вьетнама и Камбоджи.

⁷³ Вольнец А. Самурайские республики и «отпускники» Сталина // Профиль. 2015. 1 сент. / URL: <http://www.profile.ru/mir/item/99368-samurajskie-respubliki-i-otpuskniki-stalina>

носила очень дружественный и взаимно уважительный характер⁷⁴. 14 февраля 1950 г. были подписаны важнейшие документы – Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, передававшее их народному Китаю, и Соглашение о предоставлении кредита КНР в сумме 300 млн. долларов под 1 % годовых (огромная по тем временам сумма!)

Во имя мира. Сталин и Мао на китайской марке, 1950 г.

Накануне отъезда Мао выразил «сердечную признательность генералиссимусу Сталину, Советскому правительству и советскому народу» за теплое гостеприимство⁷⁵.

---

⁷⁴ Дедовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999. С. 117–145.

⁷⁵ Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 219–224.

Открытая в 1956 г. гостиница «Пекин» с одноименным рестораном (на долгое время – единственное в столице заведение китайской кухни) – наглядный символ дружбы великих народов. Фото Наума Грановского.

В 1950-е гг. советско-китайская дружба казалась нерушимой. «Русский с китайцем – братья навек», – пелось в популярной песне, и люди верили, что ничто не может омрачить наших отношений. С 1949 по 1959 г. в Китае работало около и тысяч советских специалистов, которые оказали братскому народу неоценимую помощь в создании основ экономики. С их помощью было возведено 150 крупнейших предприятий. За период 1950–1967 гг. общий объем обязательств СССР по оказанию технической помощи оценивался в сумму 14 млрд. руб. В Советском Союзе обучалось и проходило производственную практику 7,8 тысяч китайских специалистов, более 7 тысяч студентов и аспирантов.

Однако уже в середине 1950-х гг. стало очевидным стремление Мао Цзэдуна вывести Китай из-под опеки Советского Союза. Это проявилось после того, как новое советское руководство в решениях XX и XXII съездов КПСС осудило культ личности Сталина.

В статье «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», вышедшей 5 апреля 1956 г., через месяц после XX съезда, руководство КПК ополчилось не на отдельные и частные, а на кардинальные и основополагающие установки идеологической платформы КПСС. Никита Хрущев, изложивший в докладе на съезде тезис, согласно которому положение в мире «коренным образом изменилось», обвинялся в пересмотре ленинского учения об империализме, о войне и мире⁷⁶.

Однако в основном она посвящена была двум вопросам – об осуждении Хрущевым Сталина и о мирном парламентском переходе от капитализма к социализму. Позднее, в речи на 2-м пленуме ЦК КПК в ноябре 1956 г. Мао говорил: «Я думаю, имеется два «меча»: один – Ленин, другой – Сталин. Теперь Сталина как меч русские отбросили. Мы в Китае его не

---

⁷⁶ Возникновение и развитие разногласий между руководством КПСС и нами. По поводу Открытого письма ЦК КПСС (на русс. яз.). Пекин. 1963. С. 9–10.

выбросили. А не отбросили ли теперь в известной мере некоторые советские руководители и Ленина как меч? Я думаю, они и его отбросили в довольно значительной мере. Остается ли в силе Октябрьская революция? Может ли она еще служить примером для всех стран? В докладе на XX съезде КПСС говорится, что можно взять власть парламентским путем. Это значит, что другим странам больше не надо учиться у Октябрьской революции. С открытием этой двери ленинизм уже в основном отброшен»⁷⁷.

Одна из главных причин разрыва заключалась в неприятии китайским руководством решений о разоблачении культа личности. Сталин считался отцом китайской революции: он помог местным коммунистам прийти к власти.

Таким образом, одна из главных причин разрыва заключалась в неприятии китайским руководством решений о разоблачении культа личности. Сталин считался отцом китайской революции: он помог местным коммунистам прийти к власти.

Несмотря на серьезные разногласия, Москва подтвердила верность дружбе со своим идеологическим оппонентом и более серьезным образом.

В августе 1958 г. Народно-освободительная армия Китая предприняла попытку освободить острова Мацзу и Цзиньинь у побережья Тайваня, где располагалось до 100 тысяч гомиьдановских солдат и офицеров. Это привело к введению в пролив 130 американских военных кораблей, переброске на остров крупных соединений авиации США и формирования морской пехоты Японии и Филиппин, а также к установке площадок для запуска ракет. Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко вылетел в Пекин для получения объяснений. Принявший его китайский премьер Чжоу Эньлай предложил Громыко начать войну против Штатов, уверяя, что Китай согласен принять на себя ядерный удар США, но в это время СССР должен разбомбить Америку.

Началу большой войны помешала лишь решимость СССР встать на защиту Китая всей своей мощью, включая ядерное оружие, о чем было заявлено в посланиях президенту США Дуайту Эйзенхауэру от 7 и 19 сентября 1958 г.⁷⁸ И это притом, что Мао Цзэдун даже не информировал Хрущева о предстоящей акции, которая была предпринята вскоре после их встречи. «Ярости Хрущева не было предела. Мао хотел воспользоваться новоприобретенными советскими ракетами, чтобы балансировать на грани войны и за счет этого решать свои проблемы! Опытные кремлевские аппаратчики схватились за голову: хрущевский блеф о ракетах, якобы поставленных на конвейер, обернулся против Москвы. Отношения между Москвой и Пекином испортились»⁷⁹.

Большой обидой для Мао Цзэдуна стало ограничение ядерного сотрудничества Советского Союза с Китаем. В соответствии с установками XX съезда КПСС по вопросам войны и мира Москва взяла линию на достижение договоренности с США о нераспространении ядерного оружия. Как следствие, в июне 1959 г. было аннулировано соглашение о предоставлении КНР образцов атомной бомбы и технической документации по ее изготовлению. Нежелание Хрущева оснастить КНР ядерным оружием шло вразрез с планами Мао превратить страну в одного из лидеров мировой политики. Мао Цзэдун прекрасно понимал, что в условиях холодной войны в ряд ведущих государств мира Китай могло поставить лишь наличие ядерного оружия.

Объектом безжалостной китайской критики советское руководство стало и в связи с Карибским кризисом, разразившимся осенью 1962 г. Согласие Хрущева на вывоз советского

---

⁷⁷ Мао Цзэдун. Избранные произведения (на русс. языке). Пекин. 1977. Т. 5. С. 409.

⁷⁸ Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. С. 411, 417.

⁷⁹ Плешаков К. Серебристый шар летит в неведомое // Итоги. 1997. № 39. С. 36.

ракетного оружия с территории Кубы, напрямую не задевавшее интересов КНР, было гневно осуждено Пекином как сдача Москвой своих позиций, унижительное отступление под нажимом США.

10 июля 1964 г. в ходе беседы с делегацией Японской социалистической партии Мао Цзэдун впервые обнародовал свою *теорию о делении мира на три части*. Обвинив Советский Союз в том, что он «вступил в сговор с США за мировое господство», он включил нашу страну в одну зону с США. Согласно этой теории, «СССР и США – эти империалистические сверхдержавы образуют первый мир и уже стали крупнейшими международными эксплуататорами, угнетателями и агрессорами, общими врагами народов всего мира, ... схватка между ними неизбежно приведет к новой мировой войне»⁸⁰. СССР и США были охарактеризованы Мао как *сверхдержавы*⁸¹, сопоставимые по совокупной военной и экономической мощи со всеми остальными странами мира⁸² и проявляющие «невиданные в мировой истории агрессивные устремления». Сверхдержавам противостоят страны двух промежуточных зон. «Первая, – по утверждению Мао, – включает в себя Азию, Африку и Латинскую Америку. Во вторую входят Европа, Северная Америка и Океания. Монополистический капитал Японии также относится ко второй промежуточной зоне, так как даже монополисты Японии и те высказывают недовольство Америкой, а некоторые открыто выступают против США. Даже те, кто сейчас зависит от США, со временем тоже сбросят со своей шеи Америку»⁸³.

«Теория трех миров» была официально закреплена XI съездом КПК (1977 г.). Как и прочие политические концепции, она служила нуждам как внешней, так и внутренней политики Китая. С одной стороны, она должна была подкрепить тезис о перемещении в Китай центра мировой революции и обеспечить Пекину роль лидера национально-освободительного движения. С другой стороны, «правильная» трактовка мировой ситуации оказывалась тем важнее, чем хуже становилось экономическое положение внутри Китая. Трудности в социальном развитии с середины 1960-х гг. объяснялись крайне враждебным внешним окружением. Это автоматически снимало всякие вопросы по поводу того, почему китайское руководство так и не могло осуществить коммунистическую идею внутри одной страны. Стране был нужен «образ врага», призванный сплотить нацию, и таковым был объявлен «первый мир» – «советский ревизионизм» и «американский империализм».

---

⁸⁰ Теории председателя Мао о делении на три мира – огромный вклад в марксизм-ленинизм. Пекин, 1977. С. 21.

⁸¹ Термин «сверхдержава» впервые появился в 1944 г. в книге Уильяма Фокса «Сверхдержава» применительно к странам «Большой тройки», однако широкое распространение он получил после описываемой беседы Мао с японской делегацией СПЯ. Равно как и понятие «страны третьего мира».

⁸² В 1976 году ВВП США составил 1690 млрд. долларов, ВВП СССР – 930 млрд. долларов. В сумме это давало 40 % всего ВВП мира.

⁸³ Мао Цзэдун. Беседа во время приема Сасаки Кодзо, Куроды Хисао, Хосако Канемицу и других представителей Социалистической партии Японии // Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна. М., 1980. С. 277.

«Партизанской базой», с которой пойдет наступление на «Мировой город», Мао Цзэ-дун объявил народный Китай.

Отношения СССР и Китая в XX в. были крайне неравными – от абсолютно союзнических при Сталине («русский с китайцем – братья навек») до совершенно враждебных – после событий на Даманском и Жаланашколе в 1969 г. Однако все это время взаимопроникновение культур было, пожалуй, беспрецедентным. В 1950-е гг. в Советском Союзе были изданы чуть ли не все китайские классики, а в Китае, соответственно, русские. Даже в условиях охлаждения отношений с Китаем публиковались современные переводы древних китайских философов⁸⁴, которые вызвали широкую волну увлечения Древним Китаем.

С началом перестройки атмосфера в отношениях СССР и Китая начала улучшаться. Этому способствовала как т. н. «народная дипломатия», так и выступления Михаила Горбачева во Владивостоке (1986) и в Красноярске (1988). «Развитию успеха» поспособствовал визит в 1988 г. в советскую столицу министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня, а укреплению доверия – вывод в декабре 1988 г. советских войск из Монголии и реорганизация структуры военных округов с переориентацией на сдерживание не китайской, а скорее американо-японской угрозы.

---

⁸⁴ Древнекитайская философия. Собрание текстов: В 2 т. М.: Мысль. Т. 1. 1972. 363 с; Т. 2. 1973. 384 с.

В мае 1989 г. в Пекине состоялась встреча Горбачева с Дэн Сяопином и тогдашним генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяньном, лозунгом которой стало известное изречение «покончить с прошлым и открыть будущее».

По мнению ряда ученых, то, что Горбачев посетил Пекин только в мае 1989 г., через четыре года после того, как он встал во главе партии, свидетельствовало о его политической недалекости. «Он упустил драгоценное время для заимствования китайского опыта, – сетует Владилен Буров. – Нам не хватало творческого взгляда на вещи, умения рассматривать социально-экономический опыт развития Китая последних лет в контексте его традиций и культуры, исторических судеб мирового сообщества вообще»⁸⁵.

Напротив, китайцев очень интересовало происходящее в обновляющейся России. «Их интересовало буквально все – сущность, глубина, ход экономической реформы и характер демократизации общественно-политической жизни; само содержание понятия "гласность" (оно переводилось здесь как "открытость") и масштабы обновления партийных кадров; отношение к перестройке со стороны различных слоев населения, в том числе работников партийного и государственного аппарата, и роль партии в современных условиях; достижения и трудности перестройки, положение в общественных науках и последние новинки в литературе и искусстве, и оценка исторических личностей, таких, как И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Н.И. Бухарин (в 1988 г. сразу в двух китайских издательствах в разных переводах вышел роман А.С. Рыбакова "Дети Арбата"), еще раньше, в начале 80-х гг., с грифом "для внутреннего использования" были изданы произведения А. И. Солженицына»⁸⁶.

Тем временем официальная Москва пыталась решить наболевшие проблемы с Пекином, в т. ч. касающиеся территориальных споров. В 1991 г. министры иностранных дел КНР и СССР подписали в Москве Соглашение о китайско-советской государственной границе в ее восточной части. Этот документ, призванный урегулировать территориальные проблемы, впоследствии вызвал новые вопросы. Согласно договору, граница между СССР и КНР определялась по фарватеру Амура. Тогда в районе Хабаровска, остался единственный недемаркированный участок – остров Тарабаров и часть острова Большой Уссурийский. В последующие года Китай провел масштабные ирригационные работы по изменению русла реки Амур, в результате чего протока Казакевича, которая отделяет острова от китайского берега, значительно обмелела. Это привело к тому, что фактически острова соединились с китайской территорией отмелью. Соответственно, Китай считал эти острова своими. Наличие этой проблемы мешало налаживанию отношений добрососедства в полном смысле этого слова.

В декабре 1991 г. с подписанием Беловежских соглашений был распущен Советский Союз. В Китае это событие было встречено с горечью – несмотря на весьма натянутые отношения в 1960-1980-х гг., в СССР видели страну, близкую Китаю по своим социальным идеалам. Кроме того, крушение СССР и распад антиимпериалистического фронта означал, что Китай оставался один на один с США, обретшими теперь небывалую свободу действий.

Неудивительно, что Россия и КНР все чаще солидаризировались в вопросах мировой политики. Год от года в отношениях между странами становилось все меньше неразрешенных вопросов, что подтверждалось подписанием важнейших договоров, регулирующих партнерство между двумя странами.

Так, в сентябре 1994 г. во время визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Россию был подписан целый ряд документов. Среди них – Декларация о долгосрочном развитии двусторонних связей, протокол о торговле и экономическом сотрудничестве и соглашение о таможенном сотрудничестве. В ходе этого визита Цзян Цзэминь охарактеризовал состояние российско-китайских отношений как «*конструктивное партнерство*».

---

⁸⁵ Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: Институт философии РАН, 2000. С. 197.

⁸⁶ Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. С. 185.

Россия и КНР все чаще солидаризировались в вопросах мировой политики. Год от года в отношениях между странами становилось все меньше неразрешенных вопросов.

В апреле 1996 г., во время визита президента РФ Бориса Ельцина в Пекин было подписано Совместное заявление, где говорилось уже о «*стратегическом партнерстве* на основе равенства, взаимного доверия и взаимной координации». Россия и Китай объявили об установлении отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. А в апреле 1997 г. на высшем уровне была подписана совместная Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, на основе которой Россия и Китай и по сию пору строят взаимодействие на международной арене.

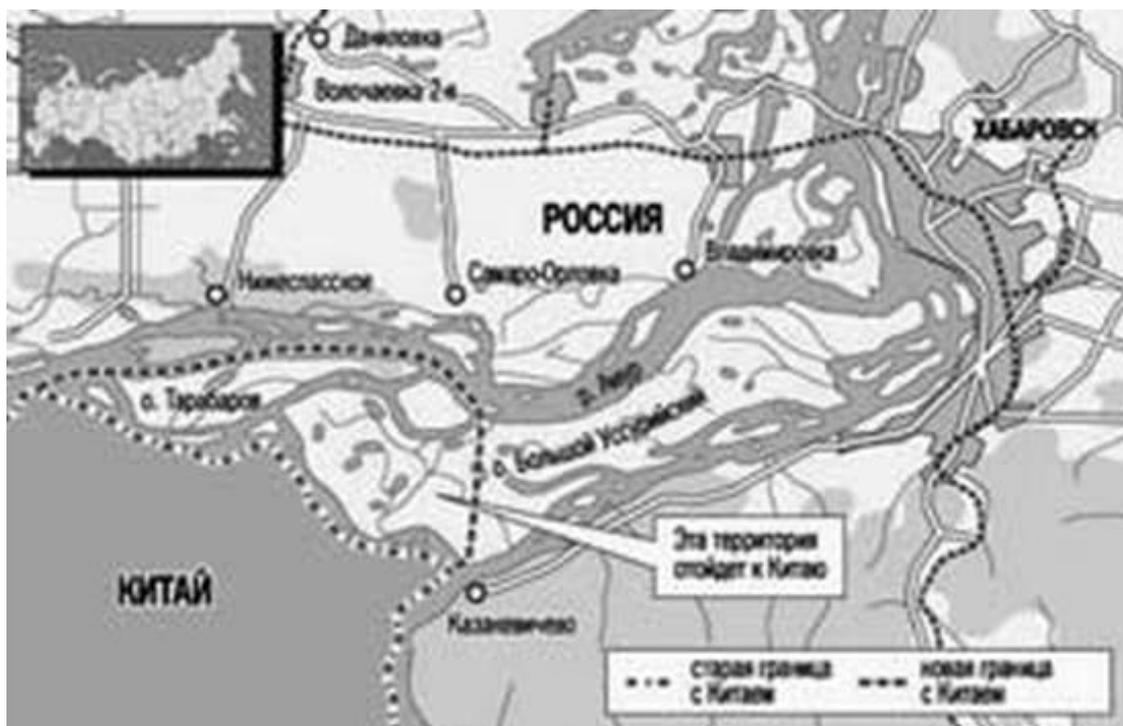
Поистине прорывное значение имело подписание 14 октября 2004 г. главами государств «Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее восточной части» о добровольной передаче КНР острова Тарабарова и части Большого Уссурийского острова. «Сделан важнейший политический шаг, поставлена точка в пограничных вопросах между нашими государствами, – заявил президент Владимир Путин. – Мы шли к решению этого вопроса 40 лет. Россия и Китай проявили государственную мудрость и вышли на сбалансированное, отвечающее взаимным интересам решение. Впервые в истории российско-китайских отношений граница на всем ее протяжении будет юридически оформлена и установлена на местности»⁸⁷.

Наличие спорных территорий сдерживало развитие отношений между Россией и Китаем. Ссора Хрущева с южным соседом в свое время не только поставила наши страны на грань войны, но и лишила нас возможности использовать экономические возможности Китая, чем воспользовались США, превратив КНР в собственную «мастерскую». Демаркация границы положила конец всем возможным разногласиям между Россией и Китаем. По словам министра иностранных дел Сергея Лаврова, «из двусторонних отношений устраняется несущий в себе опасность раздражитель, которым всегда являются нечетко и не до конца урегулированные пограничные вопросы»⁸⁸.

---

⁸⁷ Заявления для прессы после подписания российско-китайских документов, 14 октября 2004 г. // Президент России. Официальный сайт / URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/10/77989.shtml>

⁸⁸ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Государственной Думы, Москва, 20 мая 2005 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт / URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/438132

Соглашение между Россией и КНР, заключенное 14 октября 2004 г., закрыло пограничные вопросы, по которым стороны вели переговоры более 40 лет

Согласно соглашению, граница между нашими странами должна пройти таким образом, что территория двух участков (около 375 кв. км) в районе острова Большой в верховьях реки Аргунь (Читинская область) и в районе островов Тарабаров и Большой Уссурийский при слиянии рек Амур и Усури вблизи Хабаровска распределятся между Россией и Китаем примерно пополам. При этом часть острова Большой Уссурийский (не заселенную российскими гражданами), а также весь остров Тарабаров передаются Китаю.

Получив территории в Хабаровском крае, китайцы отказались от притязаний на остров Большой в Читинской области. Таким образом, речь шла не о сдаче Россией своих позиций, а о взаимных уступках. На передаваемых территориях китайцы решили построить целый город – для облегчения торговли с российской стороной.

Теперь России не придется дружить с Китаем «через прицел» – не будем забывать, что это огромная страна с мощной армией и ядерным арсеналом. Между Россией и Китаем проведена **окончательная** граница. Теперь у Китая нет даже формального предлога к пересмотру «неравноправных» договоров середины XIX в.

Соглашение о российско-китайской границе не только послужило укреплению пограничной безопасности России – перед Россией открылись возможности заключать с Китаем миллиардные сделки, вполне соответствующие гигантскому потенциалу нашего южного соседа – Пекин принял решение об инвестировании в российскую экономику в предстоящие полтора десятилетия 12 млрд. долларов. Путь к установлению стратегического сотрудничества стал открыт.

Глава 3 Анаконда сжимает кольца

В 1861 г. генерал Уинфилд Скотт, не веривший в быстрое окончание войны с мятежными южанами, предложил план постепенного экономического «удушения» Конфедерации за счет блокады портов и крупных центров на морских побережьях и реке Миссисипи с последующим продвижением в сторону Атланты. С легкой руки журналистов план Скотта стал известен всему миру как «стратегия анаконды».

В конце XIX в. адмирал Альфред Мэхэн, воевавший в Гражданскую, положил принцип анаконды в основу своей знаменитой геополитической доктрины «морской силы». Главным фактором, определяющим судьбы наций, Мэхэн считал их территориальное положение относительно главных морей и способность пользоваться им в военных целях. Обеспечить свое превосходство морская держава может лишь отрезав противника от моря – именно так, по мнению Мэхэна, должна вести себя Америка в отношении таких континентальных гигантов и «врагов морской цивилизации», как Германия, Россия и Китай.

«Великая змея Скотта». Иллюстрация 1861 года.

По рецепту адмирала Мэхэна США вели свои войны в течение всего XX века – в том числе, и против Советской России: интервенция в поддержку Белого движения начиналась именно с захвата и вывода из-под контроля Красной Армии береговых зон. Ту же стратегию

– удушение противника за счет создания вокруг него очагов напряженности – Вашингтон использует и сегодня в отношении Китая.

История американо-китайских отношений насчитывает немногим более 170 лет. С подписанием в 1844 г. первого двустороннего договора в местечке Ванся под Макао США вступили в «клуб хищников» – государств-колониалистов, старавшихся урвать в Китае кусок пожирней. Однако конкурировать на этом поле с Великобританией было очень сложно, и в 1899 г. Вашингтон провозгласил политику «открытых дверей», призвав западные страны хотя бы внешне и формально соблюдать принцип равенства в борьбе за китайский рынок. В ту пору борьба за влияние в Китае еще не являлась для Америки вопросом первостепенной важности. Не был реализован и план Мэхэна по превращению Срединной империи в трамплин для дальнейшей американской экспансии вглубь Евразии (решение этой задачи предполагало препятствование продвижению России на Дальний Восток, раздел Китая и перенос его столицы на реку Янцзы, которую Америка могла бы успешно использовать в качестве «радиуса агрессии»).

По рецепту адмирала Мэхэна США вели свои войны в течение всего XX века. Ту же стратегию – удушение противника за счет создания вокруг него очагов напряженности – Вашингтон использует и сегодня в отношении Китая.

Прагматическая основа для двусторонних отношений сформировалась лишь в 1930-1940-х гг., то есть в период антияпонской и гражданской войн в Китае. Именно тогда США свернули политику «открытых дверей» и озаботились обеспечением преимуществ лишь для самих себя. Одной из важнейших задач для того времени было недопущение попадания в сферу влияния СССР ни Китая целиком, ни какой-либо из его частей, что изменило бы геополитический баланс в мире не в пользу Соединенных Штатов. Поэтому американцы стремились установить отношения с обеими силами, действующими на территории Поднебесной – и с центральным правительством Китайской Республики во главе с Чан Кайши, и с Шэньганьнином – Особым районом Китая, находящимся под контролем коммунистов, возглавляемых Мао Цзэдуном. Отдельный интерес к Особому району вызывали его недра: здесь сосредоточена половина всех нефтяных запасов Китая и треть – каменноугольных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.